Zhebelev, Sergeĭ Aleksandrovich

Aleksandr Velikiĭ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

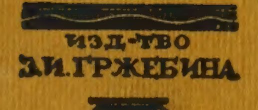
Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/aleksandrvelikii01zheb

1,50

ПРОФ. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА · БЕРЛИН

Zhebelev, Sergei Aleksandrovich

ПРОФ. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН • ПЕТЕРБУРГ • МОСКВА
1922

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten

Copyright 1922 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin

Типографія Шпамера в Лейпцигѣ

I.

«Короткая была жизнь Александра, но он наполнил ее множеством величайших подвигов», говорит древний биограф Александра Великого. В самом деле, если в истории есть герои, Александр, бесспорно, должен быть отнесен к числу их. Если в историческом процессе имеет значение человеческая личность, Александру принадлежит одна из самых видных ролей. Немного найдется людей, за которыми осталась бы такая громкая слава и в Европе и в передней Азии, какую снискал себе Александр. В истории поэтического творчества его можно сравнить лишь с Карлом Великим. Чем последний стал для Запада, тем Александр сделался для Востока: наряду с Рустемом, он — любимый герой персидских сказок и романов. Александр своими победами и завоеваниями дал всему миру новый вид, так как он положил начало тому, что, несмотря на все препятствия, было, в конце концов, завершено — Европа получила господство над Азией. Александр первый победоносно провел европейцев на Во-

сток и приобщил последний к европейской культуре. Для греков он стал национальным героем, хотя, по своему происхождению, стоял к ним в таких же, примерно, отношениях, в каких Наполеон стоял к французам.

По справедливому замечанию одного ученого, Александр является какой то аномалией для той эпохи, когда он жил. В его время очень любили «речи», Александр предпочитал «дела»; в его время постоянно и во всем сомневались, он верил в свою миссию. В нем соединялась почти детская доверчивость с силой мужа, зрелое размышление с необычайной быстротой действий, высокая образованность и любовь к науке и искусству с восторженным воодушевлением к военному делу и большой одаренностью в выполнении государственных задач. Все это придает Александру, в галлерее выдающихся исторических деятелей, совершенно исключительное значение.

Его выступление на арену мировой истории знаменует собой новую эру; результаты его деятельности оказали мощное влияние на длинный ряд веков и ощущаются еще по сие время. В этом согласны все. Зато в оценке самой личности Александра, в выяснении поставленных им себе целей и задач царило и царит разногласие. Знаменитый немецкий ученый конца XVIII и начала XIX века Нибур отнесся к личности

Александра совершенно отрицательно. Признавая его великим завоевателем, выдающимся полководцем, Нибур считал его жестоким политиком, не останавливающимся ни перед каким преступлением ради достижения своих целей; все действия Александра, в которых сказывается, будто бы, его великодушие, являются, в глазах Нибура, театральными, рассчитанными на эффект. Нибур согласен, что Александр — «в высшей степени замечательное явление», но его слава, говорит он, зиждется исключительно на его выдающемся уме и таланте. «Он был совершенно необыкновенный человек, он имел взор провидца, отличавший также и Наполеона», взгляд, отличающий, прежде всего, человека-практика. Стратегические таланты Александра бесспорны: недаром такой компетентный судья, как Ганнибал, отзывался о нем как о «величайшем» полководце. Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что в распоряжении Александра были и великолепные полководцы и превосходная армия, не им, однако, созданная. Подобно Фридриху II, Александр унаследовал от отца своего и армию и генералов.

Другой знаменитый историк первой половины XIX века, англичанин Грот, в оценке Александра примкнул к Нибуру, хотя и не пошел так далеко, как тот: Грот признает Алек-

сандра великим полководцем, но и только; выдающиеся качества его, как политического и культурного деятеля, он отрицает. В противоположность Нибуру и Гроту, известный немецкий ученый XIX века, Дройзен, преклоняется именно пред государственной и культурной деятельностью Александра. Александр был гениальнейшим государственным человеком своего времени; в политике он был так же велик, как велик Аристотель в области философии. «Если государственное создание Александра», говорит Дройзен, «сначала кажется только наброском, не лишенным различных ошибок в частностях, если приемы его действий кажутся внушенными личной страстью, произволом и случаем, то нельзя забывать, что эти первые мысли, вспыхивающие, как искры, при трении исполинских событий тотчас же и на лету образуются для него в нормы, организации и условия дальнейшей деятельности; точно также должно помнить, что каждая из этих мыслей открывала и освещала, как молния, все более обширные горизонты, создавала еще более сильное трение и ставила на очередь все более и более насущные задачи. Скудость дошедших до нас преданий не позволяет проникнуть в очаг этой деятельности, в напряженную умственную и нравственную работу того, кто ставил себе и решал такие громадные задачи. То,

что мы знаем, позволяет только отрывочно определить внешнюю сторону совершенного им, доведенного им до исполнения и до результата. Только своим протяжением в пространстве эти события дают нам мерило силы, создавшей подобные результаты, воли, которая ими руководила, и мысли, из которой они исходили, дают нам представление о величии Александра... Самым смелым его актом было то, что до нашего времени моралисты ставят ему в самый тяжелый упрек: он сломал тот инструмент, с которым начал свою работу, или, если угодно, бросил знамя, под которым выступил, — знамя удовлетворения гордой ненависти греков к варварам, — в пропасть, которую должны были закрыть его победы».

И современные историки продолжают высказывать об Александре диаметрально-противоположные суждения. В глазах одних он не был «ни великим политиком, ни великим полководцем»; в глазах других он — «один из величайших выполнителей истории античного человечества»; в глазах третьих — «от природы и с самого начала он — жестокий варвар».

Об Александре и о значении его деятельности спорили и спорят. Это — лучшее доказательство того, что и личность Александра незаурядная, и что деятельность его оставила

после себя значительные следы и важные результаты. Ведь не спорят только о «средних людях»; все же то, что отклоняется от «золотой середины» либо в ту, либо в другую сторону, всегда служило и будет служить предметом обсуждения, колебания, сомнения.

Какой избрать путь для того, чтобы возможно вернее и правдивее составить суждения об Александре и его деятельности? В чем наилучшая гарантия избавить себя от всякого рода предвзятых мыслей и толкований в оценке жизни и деятельности исторического «героя?» Возможно подробнее и обстоятельнее изложить эту жизнь и деятельность, не скрывая ни положительных, ни отрицательных сторон их. Это — прежде всего; но этого мало. Нужно дать себе отчет также и в том, какова была та историческая обстановка, в которой развертывалась жизнь и деятельность «героя?» Ведь он жил и действовал не изолированно, не сам по себе, но среди других людей, он был сыном своего народа и своей эпохи. Наконец, нужно попытаться уяснить себе ту цель и те цели, к осуществлению которых «герой» стремился: мерилом человеческой деятельности всегда должны служить эти цели, нужно всегда от настоящего обращаться к будущему — в этом, в сущности, главный смысл жизни, оправданных или осужденных

поступков человека. О целях, к которым стремился Александр, идет такой же спор, как и об его личности. На самом деле, здесь спора, казалось бы, быть не должно: человеческая личность, как таковая, может вызывать суб'ективную оценку, может одному вселять симпатию, другому — антипатию, третьего — оставлять равнодушным; но о тех целях, к которым стремится человек, свидетельствуют факты его жизни и направление всей его деятельности.

Жизнь Александра и его деятельность известны нам достаточно подробно, лучше, пожалуй, чем какого-либо другого «героя» древнего мира. Но достаточно ли надежно они нам известны, соответствуют ли они исторической правде, иными словами, в состоянии ли мы воссоздать вполне реальную биографию Александра — на этот вопрос можно более или менее определенно ответить, лишь дав себе отчет в том историческом предании, каким мы располагаем об Александре, познакомившись с источниками, на основании которых биография Александра может быть воссоздана.

Источники биографии Александра, поскольку они сохранились до нашего времени, могут быть распределены по двум главным категориям. Представителями первой из них явля-

ются сочинения Арриана, греческого писателя II-го века по Р. Хр., под заглавием «Поход» (Александра) и «Описание Индии»; представителями второй — труды греческого историка Диодора (I в. до Р. Хр.) и римских писателей Курция Руфа (I в. по Р. Хр.) и Юстина (II или III в. по Р. Хр.). Промежуточное место среди этих источников занимает биография Александра, составленная Плутархом (I—II в. по Р. Хр.), показания которого отчасти совпадают с показаниями Арриана, отчасти согласуются с данными других источников.

Общее достоинство Арриана заключается преимущественно в том, что он в более широком об'еме, чем остальные источники, воспользовался для своей истории тем официальным преданием, которое восходит ко времени самого Александра. Это предание заключается, во-первых, в корреспонденции Александра (хотя не все письма, считаемые письмами Александра, подлинны), во-вторых, в так называемых царских эфемеридах, придворном дневнике или журнале, который вел царский канцлер Евмен. Этим дневником пользовался сподвижник Александра, Птолемей, сын Лага, и Аристобул, по отзыву Арриана, самые достоверные писатели об Александре; ими-то, в свою очередь, пользовался и Арриан, положивший их сведения в основу своего повество-

вания и только дополнявший последнее сведениями из других источников, в том числе и донесениями адмирала Александра, Неарха. Труды Арриана дают нам, таким образом, официальную версию об Александре.

Наряду с официальной версией об Александре, еще при его жизни, создалась, однако, и другая версия, представителем которой явился Каллисфен, племянник Аристотеля, воспитателя Александра. Каллисфен был придворным историографом Александра. Он сопровождал его в походах и должен был описывать его деяния. Рассказ Каллисфена давал, таким образом, первые подробные сведения о них, предназначенные, преимущественно, для греков. В своем рассказе Каллисфен с особенным вниманием останавливался на тех делах Александра, которые должны были обрисовать его, как передового бойца за греков, отмстителя за те бедствия, какие были причинены им в свое время персами. Сам Александр, как македонский царь, являлся у Каллисфена в ореоле греческого героя, как потомок греческих героев Персея, Геракла, Ахилла, как представитель греческой культуры, посредством которой он считал себя призванным завоевать весь мир.

На основе рассказа Каллисфена стала создаваться традиция об Александре, ставившая

своею задачей возвеличить до чрезмерности и его личность и его деятельность. Традиция эта удовлетворяла не столько исторической правде, сколько господствовавшим тогда литературным вкусам широкой публики, стремившейся ко всему занимательному и более или менее пикантному. По этой традиции Александр является каким-то сверх-человеком. Его личность полна чудесных знамений, божественных откровений. Он — безумно смелый герой, слепо верящий в свое счастье, в свои сверхчеловеческие силы, бросающийся в огонь опасностей, побеждающий их, добивающийся исполнения даже того, что казалось бы неисполнимо. Эта традиция, стремящаяся превознести Александра до небес, с течением времени должна была вызвать реакцию. Его стали изображать каким-то авантюристом, обязанным своими успехами не своим дарованиям, не своим заслугам, а исключительно слепому счастью, жестоким и коварным деспотом, впавшим, в конце концов, в дикое суеверие и окончившим жизнь свою от чрезмерного пьянства.

Диодор посвятил истории Александра 17-ую книгу своего обширного труда «Историческая библиотека» и представил эту историю в связном рассказе. Какие источники легли в основу последнего, с точностью определить не удалось, но общий характер их совершенно ясен: они

стремились дать не столько полную историю Александра, сколько подчеркнуть в ней наиболее значительные и поразительные моменты, выделив в числе их те, которые могут служить примерами, иллюстрирующими непостоянство счастья и удачи в жизни человека. Поэтому наряду с ценными историческими сведениями в рассказе Диодора нашли себе место и всякого рода подробности анекдотического характера. У Диодора, равно как и у Юстина, давшего лишь краткий очерк истории Александра и опустившего в ней много характерных черт, изложение носит не столько строго-исторический, сколько новеллистический отпечаток.

От «Истории Александра Великого» Курция Руфа дошла до нас только часть, правда, большая. Это сочинение на название истории претендовать никоим образом не может: автор воспользовался историческим материалом лишь как об'ектом, на котором он желал показать свое писательское искусство. К историческому преданию Курций Руф относится без всякой критики; понять военную или политическую деятельность Александра он вовсе не стремится; все его изложение рассчитано лишь на то, чтобы добиться риторического эффекта. Если выделить те добавления и прикрасы, которыми уснастил Курций Руф свое произ-

ведение, то окажется, что источниками его, помимо тех же, которыми пользовался и Диодор, были отчасти данные, почерпнутые из официальной версии об Александре, поскольку это касается его военных предприятий, а также известия, идущие из кругов, враждебно настроенных к Александру и стоявших к нему в явной оппозиции. Эти известия, не взирая на их тенденциозность в некоторых случаях, представляют для биографа Александра особенный интерес, так как позволяют контролировать официальную версию об Александре, представлявшую всю его деятельность в несколько приукрашенном виде.

Плутарх в своей биографии Александра, а также в трактате «О счастье Александра», пользовался весьма разнообразными материалами, которые он нашел собранными воедино в каком-то, ближе нам неизвестном, труде сборного характера; кроме того, Плутарх, в некоторых случаях, заимствовал кое-что и из сочинения Аристобула, а также широко привлек письма Александра, из которых приводит немало выдержек.

Таковы главные источники, которыми мы располагаем для воссоздания биографии Александра. В них историческая правда переплетается с вымыслом, носящим иногда анекдотический характер. В общем, нужно сказать

следующее: мы хорошо знаем военную деятельность Александра; менее достоверно, но все-таки ясно и уловимо, представлены его политическая и государственная деятельность; полу-исторический, полу-легендарный характер носят факты, сообщенные нашими источниками, из частной жизни Александра. Эти факты не должны, конечно, фигурировать в истории Александра, но сообщить хотя бы некоторые из них в биографии Александра представляется не только уместным, но и необходимым: настолько они характерны для личности его, настолько живо они рисуют пред нами то представление, какое имели о нем и его современники и его ближайшие потомки. Не следует принимать эти факты за чистую монету, не должно слепо доверять им, но полезно, критически отнесясь к ним, вдуматься в них и попытаться, отбросив легендарный и анекдотический налет осевший на них, вскрыть таящееся в них зерно исторической истины. И тогда образ Александра предстанет пред нами и более рельефным и более жизненным. И за фигурой великого завоевателя и выдающегося государственного деятеля мы узрим человека, со всею и силой и слабостью человеческой природы.

II.

Македония, вскормившая и взростившая Александра, лежала к северу от Фессалии, одной из областей северной Греции. Обитатели ее, македоняне, принадлежали, в широком смысле слова, к грекам, по языку и культуре вряд ли они различались во многом от них. В политическом отношении, однако, Македония коренным образом отличалась от Греции: в последней господствующей системой было существование ряда самостоятельных республик, государств-городов, Македония представляла собой единое монархическое государство.

Образовалось Македонское государство благодаря тому, что часть греческого населения, жившего в Фессалии, вышла оттуда и, под предводительством энергичных властителей, обосновалась в области Эмафии, к северу от горы Олимпа, у подножия тех горных отрогов, которые окружают широкою дугой Салоникский залив; двигаясь отсюда, оно отчасти вытеснило, отчасти покорило местное фракийское население, жившее на побережьи до реки Аксия (теп. Вардар), а также в долинах, за рекою расположенных.

Македонское царство начало быстро расширяться в восточном направлении, когда, при

персидском царе Дарии (конец VI начало V века), персы, жившие во Фракии, распространили свое господство и над македонскими областями. Вмешательство фракийских персов было вызвано тем, что македонский царь Александр I задумал покорить богатую страну около реки Стримона (теп. Струма) и овладеть золотыми россыпями горы Пангея (теп. Пирнари). Платейская битва 479 г., в которой персы понесли полное поражение от греков, вернула македонянам независимость, но вместе с тем создала для них нового могущественного соперника в лице Афинского государства, которое утвердило свое господство над северным побережьем Эгейского моря, овладело областью Стримона, где, после нескольких неудачных попыток, основало большой город Амфиполь (теп. Неокори) и держало в зависимости греческие города на полуострове Халкидике, а также города Мефону (теп. Элевферокори) и Эион у подножия Олимпа, по средине македонского побережья. Тем самым положена была преграда дальнейшему расширению Македонии. Государство было еще слишком слабо, чтобы выступить в открытую борьбу против Афин, но македонские государи пользовались каждым случаем — то как друзья, то как противники Афин — поддерживать свою независимость, а вместе с тем, и расширять свои силы. В конце

Пелопоннесской войны, при энергичном македонском царе Архелае (431—391), казалось, эта цель была достигнута: Архелай сделал попытку создать на севере могучее государство, с которым должна была бы считаться Греция, и верховенство которого распространялось над Фессалией; вместе с тем, Архелай позаботился о том, чтобы приобщить всецело свой, до сих пор недостаточно цивилизованный, признаваемый греками за варварский, народ к греческой культуре. К несчастью, Архелай умер от руки убийцы, и с его смертью рухнуло созданное им могущество Македонии, растаявшее затем в битве между претендентами на царский престол и враждующими между собой аристократическими партиями. Соседние иллирийские и фракийские племена обрушились на Македонию, ослабили ее, а это повело к тому, что она попала в зависимость от тех греческих государств, которые в то время, поочередно, пользовались гегемонией Спарты, Фессалии, Фив, Афин, поведшие с 366 г. снова аггрессивную политику на севере. Македонские цари и претенденты на македонский престол, быстро сменявшие друг друга, были вынуждены искать покровительства и поддержки то у того, то у другого греческого государства; но те успехи, которых они временами достигали, были эфемерными.

Из такого шаткого положения Македонию вывел отец Александра Великого, молодой царь Филипп, вступивший на престол в 360 году, сначала в качестве опекуна своего несовершеннолетнего племянника. Филиппа окружали враги, можно сказать, со всех сторон. Но, благодаря ловкой политике, а также блестящим победам в открытом поле, ему удалось в короткое время очистить Македонию от всех врагов, а затем, но на этот раз с большим успехом, продолжить политику Архелая. Основою силы Филиппа была созданная им новая военная организация; он преобразовал старинную кавалерию, состоявшую из македонской знати, в правильные кавалерийские полки, организовал, наряду с ними, посредством набора из сельского населения, пехоту — тяжело- и легковооруженную; все это войско обучено было тем тактическим приемам, которые Филипп усвоил у известного фиванского полководца и государственного деятеля Эпаминонда в то время, когда он, юношей, прожил, в течение трех лет, в качестве заложника в доме Эпаминонда. Задачи, к которым стремился Филипп, были намечены им с определенной ясностью: держать в повиновении окружавшие Македонию варварские племена, добиться обладания морским берегом, занятым жителями Халкидики и афинянами, и тем самым обезопасить незави-

симость Македонии, а затем, достигнув этого, стремиться расширить свою власть во всех направлениях и, вместе с тем, поднять свой народ до уровня греческой культуры.

Все эти задачи Филипп, бывший столь же большим дипломатом, как и полководцем, успел разрешить в короткий срок, при чем он замечательно ловко умел пользоваться создавшимся вокруг него положением. После одиннадцатилетней войны с Афинами (357—346), в которой афиняне действовали вяло и не энергично, Филипп овладел всем побережьем Эгейского моря до Мраморного моря. В ближайшие годы Филипп завершил начатое дело: распространил свое господство до Черного моря и Дуная, и обратился в широком масштабе к проведению аггрессивной политики в национальном духе. Македонское царство при Филиппе, по меньшей мере, удвоилось в сравнении с прежними его размерами, и македоняне стали теперь большим народом.

Ясно, в чем заключался центр тяжести политики Филиппа: он стремился получить остов Балканского полуострова и закрепить его за Македонией. Но для того, чтобы обеспечить это положение на будущее время, чтобы придать своему царству значение большого культурного государства, было необходимо приобрести, вместе с тем, и верховенство над южной частью

Балканского полуострова, т. е. над Грецией.

Обстоятельства сложились благоприятно для Филиппа: греческий мир был тогда безнадежно растерзан, греческие государства бесконечно враждовали друг с другом, внутри государств происходили беспрерывные революции, всюду шла жесточайшая беспощадная партийная борьба, пути сообщения кишели разбойниками на суше и на море; к этому присоединялась еще позорная зависимость Греции от надменного персидского царя и его сатрапов, которая основывалась, главным образом, на том, что силы греческого народа вместо того, чтобы сплотиться в борьбе против внешней опасности, разрывались и таяли от царившей внутри ненависти и зависти. Все, мало-мальски, материально обеспеченные и культурно образованные элементы греческого общества жаждали появления сильной власти, которая ввела бы порядок и безопасность внутри страны и восстановила престиж нации за ее пределами. Филиппу нужен был только предлог, чтобы достигнуть поставленной им себе цели, и такой предлог нашелся: смуты в Фессалии и ограбление жителями Фокиды, области в средней Греции, сокровищ Дельфийского храма. Филипп вмешался в эти дела. Одновременно с войной против Афин он одолел фессалий-

ских тираннов и положил конец, в так наз. Священной войне, государству фокидских наемников; благодаря этому, он на долгое время привязал Фессалию к Македонии, а в средней Греции привлек на свою сторону значительное число приверженцев, образовавших македонскую партию. И в Пелопоннесе к Филиппу примкнула большая часть мелких государств, чтобы, при его помощи, обеспечить себе независимость от притязаний Спарты.

Взрыв новой войны с Афинами, к которым примкнули Фивы, завершил все: после Херонейской битвы (338 г.) все греческие государства, за исключением Спарты, об'единились на конгрессе в Коринфе в одно союзное государство, ставшее под руководительство Филиппа; он провозгласил общий земский мир, положил предел распрям между отдельными греческими государствами, тяжбы которых должны были отныне разбираться пред союзным судом, гарантировал существующие в каждом государстве конституции и действующее право и воспретил на будущее время всякого рода революции и насильственные реформы в области имущественных отношений.

На Коринфском конгрессе об'явлен был и национальный поход против Персии. С Персидским царством Филипп вступил в соприкосновение после того, как он утвердил свое го-

сподство над Фракией; он дал приют при своем дворе возмутившимся персидским сатрапам, завязал сношения с малоазийскими правителями, стоявшими в оппозиции к персидскому царю; персы, с своей стороны, поддерживали противников Филиппа во Фракии, и в 341 г. даже вели с ним небольшую войну.

Раз Филипп хотел представить себя эллином и дать Греции прочную организацию, он должен был усвоить себе и национальную программу греков, среди которых мысль о борьбе против персидской державы никогда не забывалась; эта борьба была тем же, чем впоследствии, в течение многих веков, была борьба с неверными для христиан Запада. Континентальные греки никогда не могли примириться с тем, что их малоазийские сородичи, некогда освобожденные ими от персидского ига, снова подпали под него со времени «Царского мира в 387 году.

В 336 году Филипп отправил своих полководцев, Пармениона и Аттала, в Малую Азию, и они начали военные действия против персов в Ионии и на Геллеспонте. Но война велась без достаточной энергии, и сам Филипп держался от нее в стороне. Ясно, что цель Филиппа была иная, чем цель греков; центр тяжести для Филиппа лежал пока в Европе, и на войну с персами он смотрел исключительно как на

оборонительную войну, имевшую задачей обеспечить его царство со стороны Персии. Если бы ему удалось освободить греческие города в Малой Азии и вместе с тем вырвать из рук персов господство над береговыми городами, расположенными на границах с Македонским царством, он считал бы свою цель достигнутой и, быть может, дальше не пошел бы.

Филипп сумел методически и разумно развить силы своего государства, воспользоваться ими и увеличить их. Одною из главных его заслуг было, несомненно, сформирование национальной армии, которая, постепенно возростая, благодаря обязательности военной службы, доведена была до очень значительной для того времени цифры — 40.000 человек. Но Филипп не только сформировал армию, он дал ей и необходимую дисциплину и военную выправку. Благие последствия введенной царем военной реформы быстро сказались: различные части, из которых состояло Македонское царство, стали чувствовать себя одним целым, а македоняне — одним народом; вновь приобретенные области срослись с древней Македонией. Последняя, в противоположность раздробленной на множество городов-государств Греции, представляла собой, действительно, единое государство.

Другою, не менее важною, заслугою Филиппа

было приобщение его народа к эллинской культуре. Дело это началось при предшественниках Филиппа; при нем оно продолжалось, причем культура стала постепенно проникать и в толщу македонского народа. Пример царя, которого один современный ему греческий писатель называл «другом литературы и образования», заразил двор, и македонская аристократия, сделавшись образованной частью нации, заняла, естественно, влиятельное положение. Чтение всевозможных лекций, которое, повидимому, ввел Филипп при своем дворе и которое, прежде всего, предназначались для окружавших его пажей, имело целью заботу об образовании молодого поколения.

Филипп был тонкий и трезвый политик. Он ясно сознавал те цели, к которым стремился, со строгою логикой проводил свои планы, быстро исполнял их. Он всегда умел как-то оставаться загадкой для своих противников, являться им всегда не с той стороны и не в том направлении, как они ожидали. Человек по природе страстный, он, когда то было нужно, умел быть полным господином своих страстей. Совершенную противоположность представляла его супруга, Олимпиада, дочь эпирского царя Неоптолема, ведшего свой род от мифического героя Ахилла. Красавица собой, полная внутреннего огня, страстная, честолюбивая, она

была горячо предана таинственным культам Орфея и Вакха. По преданию, во время ночных оргий, Олимпиада впереди всех носилась в диком исступлении по горам. Во сне она видела те же фантастические картины, которыми был полон ее ум. За день до свадьбы, по преданию, ей, будто бы, приснилось, что вокруг ее шумит грозная буря, яркая молния ударила ей в чрево, из него блеснул яркий огонь, пожирающее пламя которого широко распространилось и затем исчезло.

Филипп, вскоре после свадьбы, увидел сон, будто он кладет на чрево Олимпиады печать, на которой был вырезан лев. Оба сна были истолкованы в том смысле, что у Филиппа и Олимпиады родится сын «огненного и львиного характера».

III.

Старший сын Филиппа и Олимпиады, Александр, родился летом 356 г. По преданию, в ночь, когда он появился на свет, сгорел в Эфесе знаменитый храм Артемиды. Все находившиеся тогда в Эфесе гадатели бегали по городу и били себя по лицу, считая несчастье с храмом знаком бедствия в будущем и крича,

что в этот день родился бич и страшное несчастье для Азии. В день рождения сына Филипп получил известие о победе, одержанной его полководцем Парменионом над иллирийцами, и о победе, одержанной скакунами Филиппа на Олимпийских состязаниях. Гадатели истолковали все это в том смысле, что родившийся мальчик будет непобедим. Во всех этих преданиях нашла свое выражение общая мысль о богатой подвигами жизни Александра, сказалась идея великой связи между всеми событиями его царствования.

Филипп, занятый постоянными войнами, вряд ли имел время и возможность заниматься слишком усердно воспитанием своего сына, который был всецело предоставлен заботам и попечению Олимпиады. И можно предполагать, что в детстве Александр находился под сильным влиянием своей матери, к которой он питал, в течение всей своей жизни, большую привязанность. Мать могла уже очень рано заронить в душу восприимчивого мальчика честолюбивые мечты и ту жажду подвигов, которыми потом была наполнена его жизнь. Полный жажды дела, любви и славы, Александр, говорят, в юности скорбел о победах своего отца и, каждый раз, когда приходило о них известие, он с грустным лицом говорил своим товарищам, что его отец возьмет все заранее, не позволит

ему совершить вместе с ними ни одного блестящего подвига. Любимым героем Александра стал его предок, с материнской стороны, Ахилл; он любил хвастаться происхождением от него. Это преклонение перед Ахиллом, должно быть, внушила Александру его мать. От нее унаследовал он тот энтузиазм, ту глубокую живость чувства, которые отличают его в ряду героев древних и новых времен. В конных упражнениях он выдавался между всеми своими сверстниками. Известен рассказ, как, еще будучи мальчиком, Александр укротил дикого фессалийского коня Букефала, на которого никто не решался сесть и который потом во всех войнах Александра служил ему боевым конем. Когда Филипп приказал увести Букефала, как дикую и необ'езженную лошадь, Александр будто бы заметил: «Какой лошади лишаетесь вы, и только потому, что не умеете ездить на ней и трусите». Филипп смолчал, но, когда Александр несколько раз повторил одно и то же замечание, он сказал: «Ты порицаешь старших, как будто смыслишь больше их или умеешь лучше ездить на лошади». «По крайней мере, с этой я могу сладить скорее, чем с другою», отвечал Александр. «А если нет, то какому наказанию подвергнуть тебя за дерзость твою?» спросил Филипп. «Я согласен заплатить цену лошади», отвечал

Александр. Раздался смех. Отец с сыном побились о заклад. Александр подбежал к Букефалу, схватил его за узду и поставил против солнца. Несколько времени он бегал рядом с конем и гладил его рукой. Заметив, что лошадь разгорячена и тяжело дышет, он тихо сбросил с себя плащ, вскочил на нее и твердо сел. Сначала он не выпускал поводьев и удерживал лошадь, а когда увидел, что она успокоилась и рвется бежать, ослабил вожжи и погнал ее. Все пришли в восторг, а Филипп, заплакав от радости, сказал, будто бы, Александру: «Ищи себе подходящего царства... Македония для тебя мала»... Весь этот рассказ анекдотический, но он характерен для Александра.

Предание рисует Александра очень целомудренным. Юношей он избегал любовных наслажденний, и родители его, озабоченные этим, старались, будто бы, соблазнить его одною гетерою, которая должна была проникнуть в его спальню. Но Александр стыдливо отвернулся от нее и горько жаловался на этот случай. Говорили, будто бы на него очень сильно действовала музыка. Когда раз один из придворных пел под аккомпанемент флейты боевую песню, Александр вскочил и схватился за оружие.

К Александру был приставлен целый штат воспитателей и учителей. В числе их преда-

ние называет некоего Леонида, родственника Олимпиады, отличавшегося большой строгостью, и уроженца Акарнании, Лисимаха, игравшего, повидимому, роль дядьки.

К большой чести Филиппа нужно отнести, что он обратил самое серьезное внимание на духовное развитие наследника престола. В 343/2 г., когда Александру исполнилось 13 лет, он пригласил, в качестве воспитателя сына, знаменитого греческого ученого, философа Аристотеля.

В истории найдется немного примеров, чтобы образование наследника престола вверено было такому наставнику. Правда, тогда Аристотель не был еще знаменитым главою философской школы, но уже в то время он был выдающимся ученым и мыслителем. Мы не можем в точности установить, какое влияние оказал великий ученый на развитие характера Александра. Некоторые думают, будто именно Аристотель внушил своему воспитаннику мысли о величии, облагородил его страсти, придал его силе меру и глубину. Можно утверждать, однако, одно: Аристотель вряд ли занимался непосредственною пропагандою своих философских теорий при македонском дворе; во всяком случае, Александр, как будущий завоеватель мира, перерос те рамки, в которые укладывались политические воззрения его учи-

теля. Если Аристотель, действительно, старался ввести своего ученика в область политического миросозерцания греков, то мир эллинских государств должен был скоро показаться слишком тесным для души Александра, наполненной большим честолюбием. Но была другая область, которую философ мог раскрыть пред умственным взором своего воспитанника — область эллинской духовной культуры. В особенности, великие произведения греческой поэзии должны были пленить восприимчивую душу молодого Александра. Аристотель дал в руки Александру редактированный им самим список Илиады, который он всегда, будто бы, держал у себя под подушкой вместе с мечом. Илиада на всю жизнь осталась любимою книгой Александра; ее считал он высшей школой воинской доблести. Наряду с Гомером любил Александр читать других греческих поэтов, в особенности великих трагиков; чтение их произведений позже, во время его походов в глубину Азии, служило для него наивысшим удовольствием. И еще в одном отношении влияние Аристотеля, несомненно, должно было сказаться и сказалось на будущей деятельности Александра: подобно своему учителю, он всегда стремился к знанию и ценил его значение. В своем победоносном шествии по странам Востока Александр всегда искал случая обога-

тить и свои познания; он постоянно, и с большим смыслом, изыскивал все средства для того, чтобы сделать новые открытия, полезные для науки. Возможно, что от Аристотеля же Александр впервые узнал о Востоке, о том, как некогда персидский царь хотел поработить Грецию, как он разрушал и осквернял ее храмы и гробницы, как греки дали отпор его намерениям в битвах при Марафоне и Саламине, как его предок должен был дать персам, в знак покорности, воду и землю и последовать за ними с войском против эллинов. Предание гласит, что, когда однажды в столицу Филиппа, Пеллу, прибыли послы из Персии, Александр внимательно расспрашивал их о войсках и народах персидского царя, об их законах и обычаях, об организации и жизни этих народов. К Аристотелю Александр, в течение всей своей жизни, питал самое сердечное уважение и говорил даже, что своему отцу он обязан только жизнью, но что своему учителю он обязан тем, что живет достойно. Сердечные отношения между учителем и учеником омрачены были лишь в последние годы жизни Александра, со времени случая с племянником Аристотеля, Каллисфеном, о чем придется еще говорить впоследствии.

Очень рано Александру пришлось принять активное участие в государственных делах.

Когда ему было 17 лет, он в отсутствии отца, занятого войной против Византии, был его заместителем по управлению Македонией. Он одержал в это время победу над отпавшими от Македонии медами (фракийское племя) и основал в земле их колонию, названную по его имени Александрополем. В Херонейской битве 338 года Александр командовал тем македонским флангом, который вел аттаку и который прорвал священный отряд фиванцев. Во времена Плутарха показывали на берегу Кефисса старый дуб, посаженный Александром на том месте, где стояла его палатка.

Отношения Александра к своему отцу были до сих пор хорошие. Считаясь с упорным характером своего сына, оказывавшего сопротивление против всякого принуждения, Филипп старался действовать на него более убеждением, чем приказанием. Те важные политические и военные поручения, которые Филипп возлагал на юного наследника престола, определенно свидетельствуют о полном доверии Филиппа к Александру. Отец видел в сыне будущего завершителя своих планов, был спокоен за будущность своего государства. «Македония будет мала для Александра, говорил Филипп; ему не придется, как мне, раскаиваться во многом, чего уже нельзя более изменить». Но в последние годы правления

Филиппа, в царской семье начались раздоры. Они возникли из-за любовных увлечений Филиппа, с которыми не могла примириться Олимпиада, с ее страстным честолюбием и коварным характером. Александр видел, что Филипп пренебрегает его матерью и проводит время с фессалийскими танцовщицами и греческими гетерами. Дело дошло до того, что царь избрал себе вторую супругу из знатных македонянок, племянницу одного из своих приближенных, Аттала, Клеопатру. На свадьбе, в пьяном чаду и разгуле, Аттал, будто бы, крикнул: «Македоняне, просите богов благословить чрево нашей царицы и подарить стране законного престолонаследника». Жестоко обиженный Александр сказал Атталу: «Негодяй, что же меня ты считаешь незаконным?» и бросил в него кубком. Филипп, возмущенный дерзкой выходкой сына, вскочил, выхватил висевший у бедра меч и бросился на сына, но закачался и упал. Друзья поспешили удалить Александра из залы. «Смотрите, друзья, сказал он выходя: мой отец собирается идти из Европы в Азию, а сам не может дойти от стола до стола». Может быть, все это вымышлено. Факт тот, что Александр после того вместе с матерью покинул Македонию; Олимпиада отправилась в родной Эпир, он поселился в Иллирии. Насколько Филипп разгне-

вался тогда на сына, видно из того, что несколько приближенных друзей Александра изгнаны были из Македонии.

Вскоре после этого в Пеллу, столицу Македонского царства, приехал из Коринфа друг Филиппа, Демарат. На вопрос царя, что делается в Элладе, живут ли греки в мире и согласии, Демарат откровенно заметил: «К чему царь спрашивать о мире и согласии в Греции, когда свой собственный дом ты наполнил неудовольствием и ненавистью, и удалил от себя тех, кто должен был бы быть тебе всех ближе и милее». Филипп промолчал, но, вероятно, сам же просил Демарата взять на себя посредничество в деле примирения с сыном. Примирение состоялось, и Александр вернулся. Очевидно, Филипп не имел серьезного намерения лишить своего сына прав престолонаследия; но прежние отношения между отцом и сыном были нарушены.

Олимпиада не забыла о том, что она отвергнута мужем. Повидимому, она хотела окончательно поссорить отца с сыном и стала распускать слухи, будто Филипп намерен возвести на македонский престол своего другого сына, Арридея, прижитого от Клеопатры. Проживая в Эпире, Олимпиада побуждала своего брата поднять оружие против Филиппа и освободиться от зависимости от него. Между тем

Филипп в начале 336 г. стал готовиться к войне с Персией. Движение против него, начавшееся в Эпире, могло помешать его планам. Он решил во что бы то ни стало предотвратить грозившую войну с Эпиром и думал достигнуть этого дипломатическим путем, сосватав за эпирского царя Александра свою дочь от Олимпиады, Клеопатру. Свадьбу решено было сыграть еще осенью 336 г. и пышно отпраздновать ее, сделав вместе с тем ее праздником об'единения всех греков и общим освящением предстоящего персидского похода. На обращение по поводу всех этих предположений к Дельфийскому оракулу, пифия изрекла: «Видишь, бык увенчан, жертвоприноситель готов».

В числе царских фаворитов был некий Павсаний. Оскорбленный на одном пиру Атталом, он обратился на него с жалобой к Филиппу. Тот, однако, ограничился тем, что постарался смягчить оскорбленного юношу подарками и принял его в число своих телохранителей. После этого царь женился на племяннице Аттала, а Аттал на дочери Пармениона, друга Филиппа.

У Павсания пропала всякая надежда отмстить за себя. Тем более глубоко овладела им жажда мести и ненависть к тому, кто лишил его этой надежды. Наступила осень 336 г., а с нею и свадебное торжество. Оно

должно было состояться в Эгах (теп. Водена), прежней резиденции македонских царей. На свадьбу с'ехались гости со всех сторон — и из Македонии и из Греции. Первый день прошел среди приветствий, торжественных процессий и пиров. На следующий день назначено было торжество в театре. Еще не рассвело, а огромная толпа спешила поскорее занять место в нем. Окруженный пажами и телохранителями приближался в праздничном одеянии царь. Он отправил свиту вперед в театр, полагая, что не нуждается в ней среди ликующей толпы. Но тут бросился на него Павсаний, поразил его кинжалом в грудь и ринулся к ожидающим его у ворот лошадям. На бегу Павсаний споткнулся и упал. Царские телохранители нагнали и закололи его.

Внезапная смерть Филиппа вызвала замешательство, но не надолго. Кто должен вступить на престол? Конечно, Александр, как старший сын покойного царя. Но, говорили другие, это — опасно: Олимпиада, с ее диким характером, может повлиять на молодого Александра в дурную сторону. Не должен ли наследовать престол только что родившийся мальчик от Клеопатры; но тогда дядя ее, Аттал, пользовавшийся таким доверием Филиппа, стал бы регентом. Нет, утверждали некоторые, ближайшее право на престол принадлежит

Аминте, сыну Пердикки, который еще ребенком должен был передать Филиппу бразды правления в виду окружавших государство опасностей. Престол должен принадлежать линкестийцам — ведь раньше отца Пердикки и Филиппа царство принадлежало их отцу и брату; к тому же Александр и Аминта — молоды; Александр, сверх того, заражен филэллинством, а они, линкестийцы, истинные македоняне, знают желания народа, дружат с персидским царем и могут защитить Македонию от его гнева, если он будет требовать удовлетворения за начатую Филиппом безумно-смелую войну.

Такие раздавались голоса в первое время после смерти Филиппа. Но народ ненавидел цареубийц и был на стороне Александра, который успел уже стяжать себе славу и на поле брани и показал свою опытность в делах государственных, который был приветлив и великодушен. Войско было, несомненно, на его стороне, и это решило все колебания, все споры: царем был провозглашен 20-летний Александр.

Уверенною руко взялся он за бразды правления, и смятение прекратилось. По македонскому обычаю, он призвал войско и принял от него поздравление. Изменилось только имя царя, сказал он ему, но могущество Македонии, порядок вещей, надежды на завоевания

— все это осталось попрежнему. Он сохранил прежнюю обязательность для македонян военной службы, освободив служивших в армии от всех других повинностей и обязательств, но, вместе с тем, усилив в ней прежнюю дисциплину и военные упражнения.

Было проиведено строгое расследование цареубийства; линкестийские братья и другие лица, оказавшиеся причастными к заговору, были казнены в день похорон Филиппа.

IV.

Большие опасности, внутренние и внешние, грозили в первое время царствования Александра. То общее замешательство, которое вызвано было внезапной смертью Филиппа, создавало благоприятную почву в Македонии для проявления как старых притязаний на господство, так и вновь появившихся честолюбивых стремлений. У линкестийского княжеского дома были еще, повидимому, приверженцы, главным образом, конечно, в самой Линкестиде; другие считали не утратившим своих прав на престол Аминту, сына предшественника Филиппа. Аминта был казнен.

Но самым опасным соперником Александра был дядя Клеопатры, Аттал, командовавший македонским войском в Азии. К Атталу подослан был убийца, и это освободило Александра от самой тяжелой заботы. Казнены были все родственники Аттала и Клеопатры, все сводные братья Александра; пощажен был лишь слабоумный брат его, Арридей. Самое Клеопатру позднее, во время одной из отлучек Александра, Олимпиада принудила к самоубийству.

В Греции немедленно же образовалась, или точнее сказать, возродилась антимакедонская партия. Афиняне, получив известие о смерти Филиппа, устроили веселое празднество и издали почетное постановление в память убийцы. Это предложение внес лидер антимакедонской партии, знаменитый оратор Демосфен, назвавший в народном собрании Александра мальчишкой, который не рискнет выйти за пределы Македонии. Демосфен завел переговоры с Персией о предоставлении субсидии для борьбы против Македонии. Афины стали деятельно готовиться к войне и вооружили свой флот. Так же поступили и прочие греческие государства. Александр тщетно посылал в Элладу послов с заверениями в его добром к ней расположении и в его уважении к существующим вольностям. Это не помогало: греки были

опьянены надеждой, что теперь-то настала старая пора славы и свободы, что победа им обеспечена. На севере Македонии ее господству угрожали варварские пограничные народы.

При всех этих тяжелых обстоятельствах скоро, однако, выяснилось, каких успехов достигла Македонская монархия при Филиппе. Наиболее значительные и влиятельные из македонян твердо стали на сторону Александра. В Македонии его поддержал Антипатр, в Малой Азии — Парменион, полководец Филиппа; последний отказал в поддержке честолюбивых планов своего приемного сына Аттала и из'явил полную верность молодому царю. Пример этих выдающихся полководцев и приближенных Филиппа оказал большое влияние на македонскую знать и войско. Но всего более спасла положение Александра его личная деятельность. Среди опасностей и трудностей, окружавших его со всех сторон, он обнаружил то соединение энергичной решимости и трезвой рассудительности, которое является столь характерным для всей его последующей деятельности. В Македонии своим смелым и открытым образом действий он расположил к себе большинство подданных, и, в конце концов, встретил общее признание; он вынужден был, однако, принять крутые меры против тех членов царской семьи, которые казались ему

наиболее опасными. Затем, еще в 336 году Александр двинулся на юг, в Грецию, успев и там упрочить за собой то положение, которо создалось при Филиппе. Он быстро спустилс в Фессалию, где фессалийцы признали его свои главой, прошел к Фермопилам, созвал сове амфиктионов, провозгласивший его гегемоном т. е. верховным предводителем в предстояв шей войне с Персией. После этого смирили свою гордость и сократили свои надежды и афиняне. Они отправили к Александру посоль ство, которое должно было принести молодому царю извинение в том, что ему еще не предложена была гегемония, выразить раскание в их поступках после смерти Филиппа. Александр простил афинян и потребовал только одного, чтобы для дальнейших переговоров афиняне послали уполномоченных в Коринф. Там, в Коринфе, собрались представители всех греческих государств, за исключением спартанцев, все еще соблюдавших свое достоинство, все еще верных своей косности. Были подтверждены все постановления, принятые при Филиппе, и Александр был провозглашен полновластным стратегом эллинов.

В Коринф со всех сторон собрались политические деятели, философы, художники. Всем хотелось посмотреть на царственного юношу, питомца Аристотеля; все теснились около мо-

лодого царя, все ловили каждый его взгляд, каждое слово. Лишь философ Диоген Синопский оставался спокойно в своей бочке в предместье города. Александр отправился к чудаку сам, нашел его лежащим под бочкой и греющимся на солнце. «Здравствуй, Диоген, «обратился он к философу: «не надо ли тебе чего-нибудь?» «Не затмевай мне солнца», отвечал философ. На это царь сказал своей свите: «Ей Богу, если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

На возвратном пути в Македонию царь посетил Дельфы и заставил Дельфийскую пифию, которая в этот день не должна была давать прорицаний, приветствовать его изречением: «Ты непобедим, мой сын». Все это, быть может, вымышлено, но эти вымыслы характерны и для Александра и для тех, кто их сочинял.

Весной 335 г. Александр отправился на север, чтобы, на время его отсутствия из Македонии, обезопасить границы ее от иллирийцев и трибаллов, одного из фракийских племен. Он переправился через реку Нест (теп. Места), отделявшую Фракию от Македонии, и достиг после 10-дневного марша, Балканского хребта. Узкая и крутая дорога, идущая здесь между высокими горами, была занята неприятелем, отчасти обитателями этих гор, отчасти вольными фракийцами, всеми силами желав-

ними воспрепятствовать переходу. Для этого они, чтобы разорвать и привести в беспорядок наступавшую на вершину боевую линию, стали скатывать вниз во множестве свои телеги. Александр отдал приказ пехоте расступаться везде, где это позволит местность, когда покатятся телеги, и пропускать их в образовавшиеся промежутки, там же, где нельзя будет расступиться в стороны, солдаты, упершись коленом в землю, должны были вплотную соединить щиты над своими головами, чтобы катящиеся вниз телеги проехали над ними. Телеги покатились и пронеслись мимо, отчасти в промежутки, отчасти по щитам, не причинив никакого вреда. Затем Александр обратился против трибаллов. Он перешел через Балканы в восточном их направлении (вероятно, у Шипки, самого значительного перехода в центральных Балканах), победил трибаллов и достиг Дуная (вероятно, вблизи теп. Силистрии), переправился через него в виду неприятеля, не потеряв при этом ни одного человека. Разбив гетов, хотевших помешать переправе, царь, тотчас же вернулся на южный берег. Идти далее на север он не имел в виду, так как цель похода была достигнута: поход произвел большое впечатление, и к Александру стали являться посольства различных народов с просьбой о мире.

Обратный путь Александр совершил через землю агрианов (на верхнем течении Стримона) и пеонов (на среднем течении Стримона). Около реки Эригона он повернул к Иллирии; там, при осаде Пелия, Александр попал в очень опасное положение; некоторое время его армия была заперта со всех сторон, и только благодаря строгой дисциплине армии ему удалось разбить Клита (иллирийского царя) и заставить его бежать.

Таким образом, задача царя на севере была выполнена: враги были устрашены.

Пока Александр находился на севере, на юге снова началось движение. Враги Македонии вступили теперь в открытое соглашение с Персией, где в 336 или 335 г. вступил на престол Дарий Кодоманн. Перешедшие к персам греки побуждали его оказать поддержку антимакедонской партии в Греции, чтобы тем самым защитить свое государство, против которого уже угрожали переправиться в Азию македонские полководцы. С ними, и не без успеха, боролся состоявший на персидской службе, грек Мемнон, которому удалось овладеть Эфесом. Персы опасались появления самого Александра в Азии. Чтобы воспрепятствовать этому и задержать его в Европе, Дарий снабжал греков деньгами. Спартанцы брали их совершенно открыто; «мы — не союзники Македонии», за-

являли они. Афины должны были действовать осторожнее. Они поручили Демосфену, стоявшему тогда во главе государства, присылаемые из Персии деньги распределять целесообразно — часть отдавать на антимакедонскую пропаганду, часть употреблять на государственные нужды. Большие суммы из Персии попадали также в Фивы. Когда в Греции распространился слух, будто Александр погиб на далеком севере (Демосфен показал даже собравшемуся народу человека, получившего рану в том сражении, в котором Александр, будто бы, пал на его глазах), фиванские изгнанники в Афинах сочли, что пришло как раз время поднять возмущение. Они вернулись в Фивы, избили двух македонских офицеров, которых они нашли ночью в нижнем городе, побудили сограждан об'явить Фивы свободными и выбрать даже беотархов, главных должностных лиц Беотийского союза, в знак того, что Фивам теперь принадлежит верховная власть над всей Беотией. Стоявший в Кадмее, фиванском кремле, македонский гарнизон не был удален, но фиванцы этим не смущались. С южной стороны Кадмея упиралась в открытое поле; там фиванцы возвели в два ряда заграждения, которыми македонский гарнизон был изолирован. Во всей Греции фиванцы встретили большое сочувствие, но помощи они ни откуда не полу-

чили; правда, Демосфен послал им вооружение.

Так шло дело, как вдруг Александр оказался в Беотии; и так внезапно, что когда он был уже у Копаидского озера, в Фивах еще неизвестно было об его переходе через Фермопилы. И когда говорили, что это — царь Александр с войском, то фиванцы отвечали: «Да, Александр, но не сын Филиппа, а сын Аеропа из Линкестиды». Через день после этого царь, которого считали мертвым, стоял со своим войском под стенами города.

Все в этой войне, веденной Александром, было поразительно и внезапно, все полно живости и силы, но в особенности этот переход. Две недели тому назад Александр дал последнее сражение у Пелия. В две недели, через горы и реки, прошел он расстояние почти в 60 миль и стоял теперь в двух милях от Фив. Он не думал сразу прибегать к силе. На требование сдаться, фиванцы отвечали со стены: «Кто желает с нами и с персами освободить Грецию, добро пожаловать». Может быть, Фивы, в конце концов, и принуждены были бы сдаться, если бы осада их затянулась; но уже на третий день город взят был штурмом. Македонские отряды овладели первым рядом заграждений, после короткой борьбы и вторым. Когда македоняне были отброшены фиванцами, Александр

сам взялся за дело, оттеснил фиванцев и проник в город. В то же время македонский гарнизон в Кадмее бросился также на фиванцев; 6000 из них было убито, 30.000 взято в плен. Сражение было ожесточенное. Александр поспевал всюду и воодушевлял всех словом и примером.

На следующий день царь созвал собрание представителей, принимавших участие в Коринфском конгрессе, и предоставил им решить судьбу Фив. Судьями над ними были беотийские государства, которым долгое время приходилось выносить ужасный гнет фиванцев. И они постановили, что город должен быть сравнен с землей; что земля, за исключением той, которая принадлежала храмам, должна быть разделена между союзниками Александра; что все фиванцы с женами и детьми должны быть проданы в рабство; что свобода должна быть дарована только жрецам и жрицам, да лицам, связанным узами гостеприимства с Филиппом, Александром и македонянами. Александр, уже по собственному почину, велел пощадить дом знаменитого поэта Пиндара и его потомков.

Участь Фив была потрясающая: только поколение назад они владели гегемонией в Греции; теперь они были сглажены с лица земли. «Потрясение было так велико, говорит один

современник, точно Зевс сорвал месяц с неба.» Греки были возмущены судьбой Фив. Но царь не мог поступить иначе по отношению к возмутившемуся городу. Впрочем, к отдельным фиванцам он относился с полным великодушием. Рассказывают, что одна фиванская аристократка была схвачена и приведена к Александру. Ее дом был разрушен фракийскими воинами Александра, сама она обесчещена их предводителем и затем, со страшными угрозами, ее стали спрашивать, куда она спрятала свои сокровища. Она повела фракийца к скрытому в кустах колодцу, где, по ее словам, спрятаны были ее сокровища. А когда фракиец спустился в колодец, она забросала его камнями. На суде пред царем она гордо заявила: «Я — Тимоклея, сестра того Феагена, который пал при Херонее, сражаясь против Филиппа за свободу греков». Александр простил мужественную женщину и даровал свободу ей и ее родным.

Нетрудно понять, какими соображениями руководствовался Александр, предавая разрушению Фивы: катастрофа, их постигшая, должна была подействовать и отрезвляюще и устрашающе на всех греков. И Александр достиг цели. Все греческие государства поспешили расписаться в своей преданности пред Александром. В особенности рассыпались в лести пред ним Афины. Весть о гибели Фив дошла

до них во время празднования Великих Ми стерий (осенью 335 г.). Афиняне прервали праздник и послали сказать Александру, что они поздравляют его с благополучным возвращением из Иллирии и... с наказанием Фив Александр потребовал изгнания из Афин беглых фиванцев и выдачи главарей антимакедонской партии, в том числе и Демосфена. Это требование вызвало жестокие прения в афинском народном собрании. Восторжествовало мнение: просить царя предоставить самому народу суд над виновными. Александр согласился и на это, отчасти из уважения к славе Афин, отчасти из желания поскорее приступить к походу в Азии, во время которого он не желал оставлять в Греции подозрительного недовольства.

Восстановив спокойствие в Элладе, Александр осенью 335 г. вернулся в Македонию. Одного года было достаточно для того, чтобы упрочить его подвергавшийся многим опасностям престол. Заручившись повиновением соседних варварских народов, уверенный в спокойствии в Греции и в преданности своего народа, он мог назначить весну 334 г. для начала персидского похода.

Следующие месяцы прошли в приготовлениях к нему: набирались союзники, вербовались наемники, приготовлялись транспортные

суда. Царь совещался о плане операций похода, согласно сообщениям, полученным относительно природных условий восточных стран. Затем был определен порядок дел на родине. Антипатра Александр назначил наместником в Македонии и оставил ему достаточно войска для ее защиты. Князья союзных варварских племен были приглашены лично участвовать в походе, чтобы тем самым еще более обеспечить царство от перемен. В военном совете был поднят вопрос и о том, кому, в случае непредвиденного несчастья, должны принадлежать права на царский престол. Александра убеждали жениться до похода и дождаться рождения наследника престола. Царь отверг это предложение. Непристойно, сказал он, думать о свадьбе и брачном ложе, когда Азия уже готова к войне. По преданию, Александр действовал так, как будто он навсегда прощался с Македонией. Все принадлежавшие ему на родине имения и угодья, все доходы свои он раздарил своим друзьям. А когда все почти уже было разделено, он, на вопрос Пердикки, что же остается ему самому, отвечал: «Надежда». Тогда Пердикка отказался от причитающейся ему доли, заметив: «Разреши нам, которые будут биться вместе с тобой, разделить с тобой и надежду». И многие друзья Александра последовали примеру Пердикки.

Этот рассказ, как бы он ни был преувеличен, соответствует настроению умов пред выступлением в поход: царь наэлектризовал всех, всех заразил своим энтузиазмом, во всех вселил не только надежду на победу, но и уверенность в ней.

V.

Персидское царство, завоевание которого предпринял Александр, было, по крайней мере, в пять раз больше его собственного царства, а население его в 20 раз превышало население Македонии. Оно простиралось от Геллеспонта до Пенджаба, от Аральского озера до катарактов Нила. Горы и долины, пустыни и озера, плодородные нивы и благоухающие луга растилались в нем. Где господствовала страшная жара, где ужасный холод. Население было самое пестрое, стоявшее на различных ступенях культуры, говорившее на всевозможных наречиях, исповедывавшее различные вероучения. Все страны, входившие в состав Персидского царства, все народы населявшие его, соединены были лишь одной связью — волею персидского царя. Его слово было законом. Если царь был мудр, он считался с пестрым составом своих подданных и сообразовался с отличи-

тельными особенностями их. Иногда подданные поднимали восстания, но вреда для царства от этого не было. Ибо между отдельными провинциями не существовало никакой внутренней связи. Отпадала одна провинция, остальным до этого не было никакого дела. Да и обитатели отдельных провинций были почти не связаны между собой. Если какой-либо провинции удавалось отпасть от царя, это выражалось только тем, что она, в течение нескольких лет, не платила податей в царскую казну; но беды для царя и от этого было мало, так как у него и без того всегда было много денег; даже тѣ провинции, которые обязаны были поставлять рекрутов для войны, не освобождались от взносов, которые они должны были делать для войн. Лишь в IV в. греческим наемникам, служившим в персидском войске, приходилось платить жалованье; но это была капля в море в сравнении с тем, что персидский царь выжимал со своих подданных.

Вся громада Персидского царства поддерживалась, главным образом, благодаря двум условиям. Первое заключалось в том, что, за исключением, повидимому, Египта, ни в одной из наиболее важных провинций не было более или менее сильных национальных династий. Большая часть их выродилась, и, таким образом, царствующий дом персидских Ахеменидов при-

знавался вполне законным властителем, тем более что Ахемениды были властителями не более жестокими, чем это обычно было для всякого властителя в Азии. Сверх того, в Персии была аристократия, которая, смотря по обстоятельствам, могла дать некоторый отпор слишком сильному произволу царя. Второе условие, благодаря которому персидское царство держалось, заключалось в том, что правительство было совершенно равнодушно ко всему, не имевшему отношения к податям или военной службе. Ахемениды не касались ни религиозных верований, ни обычаев племен, входивших в состав их царства. И если от персидских подданных не требовалось доставления слишком больших сумм денег, или большого контингента рекрутов, то им жилось сравнительно не худо, и они могли безопасно заниматься своими делами.

Персидское господство встречало опасность для своего существования только там, где естественные и культурные условия могли способствовать сепаратистическим течениям. Это было в западной его половине: в Малой Азии и в Египте. Последний имел то преимущество, что у него была своя культура и заключен он был в свои границы, не соприкасавшиеся с Персией. Египетский народ с неудовольствием переносил иноземное господство и обладал та-

кими силами, при помощи которых мог защищать себя. Малая Азия в территориальном отношении была связана с центром Персидского государства, но гористое устройство поверхности ее, в некоторых, по крайней мере, областях, делало возможным вести в ней партизанскую войну. Еще важнее, однако, было то, что близость к Греции способствовала развитию в жителях Малой Азии духовной культуры, стоявшей неизмеримо выше культурного состояния любой из восточных областей Персидского царства. К тому же грек, по своей природе, был куда более беспокойным человеком, чем житель Востока. Если мало-азийские греки и не пытались создавать затруднения для персидского правительства, то, во всяком случае, они держались самостоятельно и смели «свое суждение иметь», что в Персии разрешалось только одному царю. Основная ошибка в организации Персидского царства заключалась в деспотическом характере власти персидских монархов. При персидском дворе господствовало насилие и коварство. Те же качества усвоили себе и знатные персы, по крайней мере, те из них, которые занимали, по доверию государя, ответственные места.

В течение 80 лет персидское государство постоянно встречалось с оппозицией в его западных провинциях. Началось возмущение с

Египта, который отложился от Персии вскоре после 410 г. и оставался независимым в продолжение 60 лет. Затем от Персии отложился Кипр. В Малой Азии, с первой половины V века, были постоянные восстания сатрапов, греческих городов и тираннов. Можно сказать, что западные провинции Персидского государства почти были потеряны для него. Таким образом, сама собой подготовлялась борьба между двумя силами, каждая из которых основывалась на совершенно различных принципах: в Персии власть царя покоилась на деспотизме, в Македонии тоже был царь, но его власть опиралась на его личный авторитет. Персы уже двести лет властвовали над Азией, но и теперь, ко времени их столкновения с Александром, они были совершенно чужды своим подданным, так как ничего не сделали, чтобы сплотить конгломерат тех народов, которые повиновались персидскому царю, в одно государство. И только грубая сила не давала распасться великой державе. Правда, персы, с течением времени, убедились в интеллектуальном и, особенно, в военном превосходстве греков; уже с эпохи Пелопоннесской войны сатрапы приморских провинций стали принимать к себе на службу греческих наемников. С течением времени последние сделались постоянной частью персидской армии, и число их постепенно уве-

личивалось, причем командирами греческих отрядов были, естественно, греческие генералы. Но с остальной персидской армией греческие отряды были связаны совершенно механически: персидские войска оставались таким же сбродом, каким они были раньше, и правительство не принимало никаких мер к тому, чтобы реорганизовать армию по греческому образцу в деле вооружения или тактической выправки. Притом греческих офицеров не допускали до первостепенных постов, занятых персидскими полководцами, которые только стесняли их инициативу, свободу действий. Персидские же сановники, которым вручалось высшее командование над царскими армиями, за немногими исключениями, были неспособны к военному делу, проводили время, главным образом, во взаимных интригах. Результатом всего этого было то, что персидские армии, несмотря на свою численность или не достигали никаких стратегических результатов, или осуществляли намеченный план действия лишь в течение несоразмерно долгого времени.

Не взирая на все отрицательные стороны персидской политики и в административном, и в военном отношениях, предшественнику последнего персидского царя Артаксерксу Оху (359—338) удалось поправить пошатнувшееся положение своего царства: восставшие сатрапы

были приведены к покорности, возмущение Финикии было подавлено, Египет снова покорен. Но временный под'ем персидского государства не мог спасти его от разрушения. Когда Артаксеркс Ох погиб насильственной смертью, вследствие заговора против него своего фаворита Багоя, последний возвел на престол Ахеменидов младшего сына царя, Арсеса, но затем низложил его с престола и возвел в цари принца боковой линии, Дария, принявшего имя Дария III Кодоманна. С ним то и должен был вести борьбу Александр.

Первая часть персидского похода Александра, от высадки его в Азии до взятия столицы Персидского царства, Персеполя, протекала, номинально по крайней мере, всецело под знаменем панэллинской идеи — Александр является в роли союзного предводителя, гегемона эллинов, который мстит персам за ограбление и разрушение греческих святынь. Александр пользуется всяким поводом для обнаружения одушевляющих его панэллинских чувств и настроения. Параллельно с идеей отмщения персам выдвинут был лозунг освобождения малоазийских греков от персидского владычества. Панэллинская программа давала Александру возможность располагать, при своем походе, и эллинскими силами. Силы эти были, однако же, невелики: 5000 наемников, предоставлен-

ных Александру эллинским союзом, 7000 пехоты и 600 человек конницы. При этом нужно иметь в виду, что греческих гражданских ополчений почти не коснулись те технические успехи тактики, которые, напротив, нашли блестящее применение в войсках наемников и были прекрасно использованы Филиппом; греческие ополчения было трудно влить в прекрасно организованные македонские войска. Эллинскою пехотою Александр почти не пользовался при своих больших битвах, а употреблял ее в качестве или резервов, или оккупационных корпусов. К причинам стратегическим столь незначительного использования греческих военных сил присоединялись и причины политические. Александр не очень доверял грекам, помня о возмущениях их в начале своего царствования. Во флоте Александра греческий элемент играл более значительную роль, так как македонского флота, на образование которого Филипп положил много усилий, все-таки было недостаточно, и без видного содействия греков Александр здесь обойтись не мог. В распоряжении Александра, при его переправе в Азию, было 160 кораблей, и значительная часть их, вместе с экипажем, состояла из греческих элементов.

Военные силы, с которыми Александр приступил к походу, были вообще невелики: у

него было немного более 30.000 пехоты и более 5.000 всадников. Впрочем, к тем цифрам, которые дают наши источники и для македонской и для персидской армий, нельзя относиться с полным доверием: для первой цифра эта везде, вероятно, преуменьшена, для второй — везде преувеличена. Делалось это с целью возвеличения славы Александра. Но насколько цифры эти и в том и в другом случае должны быть изменены, мы сказать не можем. Вся пехота и кавалерия была разделена по родам оружия и по национальностям. Войско сохраняло, в своей основе, македонскую организацию; присоединившийся к нему контингент союзников и присоединенные, к прежнему составу наеников, наемные полчища служили лишь для того, чтобы осуществлять, по возможности, два элемента той организации, в которую они вошли, ее подвижность и устойчивость.

В пехоте основное ядро войска составляла так называемая фаланга. Особенностью ее являлось вооружение отдельных солдат и ее строевой порядок. Фалангиты — это гоплиты, тяжело-вооруженные, в греческом смысле, хотя вооружение их и было легче греческого. Оно состояло из шлема, кольчуги, наколенников, круглого щита и сариссы, копья в 14—16 футов длины, и короткого меча. Предназначенные для рукопашного боя, фалангиты строи-

лись таким образом, чтобы, с одной стороны, быть в состоянии спокойно ожидать самого сильного натиска неприятеля, с другой — верным ударом пробить ряды его; фалангиты строились обыкновенно в 16 рядов, причем копья 5 первых рядов выдавались пред фронтом, представляя для атакующего неприятеля непроницаемую стену; следующие ряды клали свои копья на плечи передних. Таких македонских гоплитов в войске Александра было 6 фаланг, находившихся каждая под командой особого стратега. Под начальством особых командиров были греческие тяжеловооруженные, как наемники, так и союзники, которые для крупных дел соединялись в одно целое с македонским фалангитами. Общая цифра тяжелой пехоты в войске Александра должна была доходить до 18.000 человек.

Затем шло специально македонское войско, так назыв. гипасписты; они носили холщевой панцырь и были вооружены большим щитом и более длинным мечом, чем фалангиты. Гипаспистами пользовались для занятия высот, захвата речных переправ, для поддержки и дальнейшего развития кавалерийских аттак. В кавалерии, число которой доходило до 5.000 человек, главное место занимали македонские всадники (они назывались «гетерами», собств. товарищами) и фессалийские, вооруженные

шлемом, пашейником, панцырем, наплечником набедренником, копьями и мечами. Вся конница составляла 8 или 9 эскадронов.

Наконец, следует упомянуть о легких войсках-пеших и конных, навербованных, главным образом, из союзников и бывших пригодными для летучих стычек, прикрытия во время марша.

Таково было войско Александра. Оно, как сказано выше, было немногочисленно по сравнению с неприятельскими войсками, и в этом отношении предприятие Александра могло казаться безумно-смелым. Но македонское войско было закалено суровой дисциплиной, хорошо организовано, имело прекрасную кавалерию. Верховный предводитель являлся в одно и то же время и полководцем и первым солдатом, передовым бойцом в полном смысле слова. Характер его личного участия и то, что он всегда шел во главе решающей атаки, воспламеняло соревнование его офицеров и всего войска. Последнее было проникнуто безусловным доверием к своему вождю, имело такую уверенность в своем моральном превосходстве, что не сомневалось в победе.

И финансовые рессуры Александра были невелики: вследствие военных предприятий Филиппа царская казна была сильно истощена. Говорят, Александр, по окончании своих во-

оружений, имел в своем распоряжении сумму не более 60 талантов (талант около 1500 рубл.). И с этой точки зрения предприятие Александра представляется почти химерическим. Правда, он мог рассчитывать на персидские сокровища, на огромные запасы благородного металла, хранившиеся в казнохранилищах персидского царя, но ведь до них нужно было добраться.

И невольно хочется задать вопрос: что же? выступил ли Александр в поход, как искатель приключений, как фантазер, задавшийся мыслью завоевать Азию вплоть до окружавших ее неведомых морей? или он знал, чего он хочет и чего может хотеть и, сообразно с этим, наметил свои военные и политические планы и принял свои меры? Ответом на эти вопросы послужит вся история похода, вся политика Александра. Здесь нужно отметить, что Александр, если он не был простым авантюристом и мечтателем, должен был так рассчитать силу своей армии и ее организацию, чтобы иметь право чувствовать полную уверенность в успехе. С другой стороны, он должен был хорошо знать и своего противника; предвидеть, что персидское царство, именно вследствие его обширности, его отношения к покоренным народам, полной недостатков организации управления и войска, не имело задатков к тому, чтобы оказать неприятелю успешное сопротивление.

VI.

Политика персов уже при начале похода оказалась совершенно близорукою. Если и ранее персы не приняли никаких мер, чтобы поддержать возмущение против Александра в Греции, то и теперь не сделано было никакой попытки воспрепятствовать ему произвести высадку на азиатском берегу. Должно быть, Дарий исключительно надеялся на численное превосходство своих военных сил и материальных средств. Правда, персы собрали большой флот и вблизи Геллеспонта были сосредоточены значительные силы. Родосец Мемнон, игравший в персидской армии роль начальника главного штаба, на военном совете сатрапов и военачальников, развивал широкий план военных действий, основанный на комбинации войны оборонительной и наступательной. По этому плану персы должны были избегать сражения в открытом поле и отступать пред Александром, но в то же время опустошать страну, по которой они шли, с тем, чтобы лишать противника базы для дальнейших операций. Персидскому флоту надлежало вести на Эгейском море наступательную войну; крейсеровать около греческих берегов и вызвать в Греции возмущение против македонского владычества. Пер-

сидские командиры отнеслись к плану Мемнона несочувственно. Им казалось недостойным ни их самих, ни персидской державы подвергать опустошению те провинции, сатрапами которых они были. Все свои расчеты персидские полководцы возлагали, главным образом, на силу конницы, которой, по плану Мемнона, отводилась слишком незначительная роль. К самому Мемнону они относились либо с недоверием, либо с завистью; и вопреки его совету, решено было ожидать встречи с македонскою армией и дать бой врагу в открытом поле. Персидская армия, в количестве 40.000 человек, половину которой составляли греческие наемники, собралась на равнине Зелеи (теп. Сарикей), недалеко от берега Мраморного моря.

Александр, в начале весны 334 г., двинулся в поход. Чрез 20 дней он был в Сесте (теп. Богхали), откуда войско, на 160 триерах (трехпалубных судах) и множестве транспортов, переправилось в Абидос (теп. Нагарах). Александр, стоя сам на руле своего царского корабля, направлял его к лежавшей напротив бухте, над которой высились, по преданию, надгробные курганы героев Троянской войны — Эанта, Ахилла и Патрокла. Посреди Геллеспонта Александр принес жертвы Посидону и из золотой чаши сделал возлияние Нереидам. Триера Александра достигла берега первой;

с носа корабля царь метнул свое копье в страну неприятеля и затем первый выскочил в полном вооружении на берег. Он отдал приказ, чтобы отныне, в воспоминание, на этом месте воздвигнуты были алтари. Затем, в сопровождении стратегов и свиты гипаспистов, Александр направился к развалинам Илиона (Трои, теп. Гиссарлык), принес жертву в храме Афины, посвятил ей свое оружие и взял вместо него оружие храма, прежде всего, священный щит, считавшийся щитом Ахилла. На алтаре Зевса принес он жертву и тени Приама, чтобы умилостивить его гнев против рода Ахилла, так как сын Ахилла убил престарелого царя у священного очага. Но в особенности почтил он память своего великого предка Ахилла: он возложил венок на могилу героя и возлил на нее благоухания; друг Александра, Гефестион, сделал то же на могиле друга Ахилла, Патрокла. Александр с интересом осматривал достопримечательности города. Когда его спросили, не желает ли он видеть лиру Париса, царь ответил, что он ею не интересуется — он ищет лиры Ахилла, на которой тот воспевал подвиги героев. Затем устроены были разнообразные празднества, в заключение которых царь приказал восстановить Илион, даровал гражданам нового города автономию и свободу от податей.

Отсюда Александр двинулся к востоку и у реки Граника (теп. Коджа-чай), небольшой речки, стекающей с северного склона Иды в Мраморное море, встретил неприятельское войско. Парменион советовал Александру не переходить реки и не начинать немедленно битвы, так как, если бы она оказалась неудачной, это было бы чувствительно не только в настоящую минуту, но могло бы повлиять и на исход войны. Я прекрасно понимаю это, отвечал Александр, но мне было бы стыдно, если бы после того, как мы так легко переправились чрез Геллеспонт, эта маленькая речка могла задержать нашу переправу; к тому же это не соответствовало бы ни славе македонян, ни моему обыкновению смотреть опасности в лицо; персы же, я полагаю, если не узнают немедленно, пред чем они должны трепетать, ободрятся, воображая, что они могут выдержать сравнение с македонянами. Александр обладал ценным даром в немногих словах выразить то, что надо.

Он приказал своему войску переправляться чрез реку в виду неприятельской конницы и атаковать противоположный берег. Конница македонская стояла на флангах, фаланга занимала центр. Сам царь командовал правым флангом. Его легко можно было узнать по блестящему вооружению и белому султану на

шлеме. Быстро ринулся он в среду неприятеля и искал персидских полководцев. Его копье сломалось, переломилось копье и взятое им у его оруженосца. Александру дал копье один из гетеров. Им он поразил Мифробарзана, зятя Дария, перса Ресана, который отрубил у него кусок шлема. Когда другой знатный перс, Спифридат, намеревался нанести удар Александру в спину, ему отрубил руку ближайший друг царя, македонянин Клит, по прозванию Черный, и тем спас царя. Из персидской конницы пало около 1000 человек, остальные обратились в бегство. В резерве оставались еще наемники, стоявшие в стороне; Александр двинул на них фалангу и конницу. После короткой, но отчаянной борьбы, в которой под царем была убита лошадь, наемники были побеждены; 2000 их взято было в плен.

Потери Александра были невелики: 85 всадников и 30 пехотинцев. На следующий день они были торжественно похоронены. Александр лично позаботился о раненых, обошел их, осмотрел их раны и выслушал от каждого рассказ о том, как он их получил. Он приказал похоронить также и павших персидских вождей и греческих наемников; но взятые в плен греки были закованы в цепи и отосланы в Македонию на каторжные работы за то, что они, вопреки общему постановлению Греции,

сражались против Греции за персов. Богатый персидский лагерь попал в руки Александра; он разделил добычу со своими союзниками; своей матери он послал золотые кубки, пурпуровые ковры и другие драгоценности; в память 25 всадников, павших первыми в бою, он приказал отлить столько же бронзовых статуй. В Афины, в дар Палладе Афине, посланы были 300 полных вооружений с надписью: «Александр, сын Филиппа и Эллины, за исключением лакедемонян, от варваров в Азии».

Последствия битвы при Гранике показали, на каком зыбком основании покоилось господство персов в Малой Азии. Нужен был один решительный удар, и оно пало. Огромная масса населения Малой Азии отнеслась к переходу власти от «Великого царя» к Александру совершенно пассивно, персы же не делали никаких серьезных попыток остановить победоносное шествие македонской армии. Постепенно вся Малая Азия отпала от персов; более или менее значительное сопротивление оказывали Александру лишь греческие наемные войска, и борьба приняла такой характер, при котором греческие наемники, с одной стороны, преследовали свои интересы, а с другой — им сопротивлялось хорошо организованные, под македонской гегемонией, греческие союзные

силы. Столица Лидийского царства Сарды (теп. Сарт) добровольно сдалась Александру. Жителям Сард и лидийцам он возвратил свободу и гражданское устройство их отцов, которого они лишены были в течение двухсот лет, проведенных ими под гнетом персидских сатрапов. Чтобы почтить город, Александр решил украсить акрополь его храмом Зевса Олимпийского. Когда он искал подходящего для этого места, поднялась буря, и на то место, где некогда стоял дворец лидийских царей, хлынул ливень с громом и молнией; это место царь и выбрал для храма. В Лидии Александр организовал новое управление, которое послужило образцом и для других провинций: военная власть и управление финансами были поручены отдельным лицам, в то время как при персах сатрапы совмещали в своих руках все отрасли управления. Затем, Александр направился в Эфес (теп. Айасолук) и восстановил там демократическое устройство; подати, платившиеся до сих пор Персии, он передал Артемиде Эфесской. И в других греческих городах по берегу Малой Азии везде восстановлен был демократический строй. В Эфесе Александр познакомился с знаменитым греческим живописцем, Апеллесом, который написал портрет царя, с молнией в руках, служивший долгое время украшением эфесского храма.

Принеся жертву в храме Артемиды и сделав смотр войскам, Александр направился к Милету (теп. Палатио), который, благодаря своей обширной и прекрасно устроенной гавани, представлял большую важность на случай выступления персидского флота. Предводитель греческих наемников, защищавших Милет, сначала решил сдать город без сопротивления, но, узнав, что неподалеку собрался персидский флот, передумал и решил защищаться. Александр, воспользовавшись беспечностью персидских адмиралов, провел свои 160 военных кораблей и тем самым отрезал неприятельский флот от сообщения с Милетом. Затем произведена была энергичная аттака на город, и его гарнизон должен был сложить оружие. Ради того, чтобы пресечь возможность для персидского флота вынудить македонский флот принять битву на море, а вместе с тем, чтобы не раздроблять своих сил и сократить военные расходы, Александр пошел на очень рискованную меру: он распустил свой флот. На службе оставалась только небольшая эскадра. Главные силы персов сосредоточились в Галикарнассе (теп. Будрун), главном городе Карии, где Мемнон командовал большими греческими и варварскими войсками. Лишь после тяжелой осады Александру удалось взять Галикарнасс. Правда, первая аттака была отбита, и осажден-

ные позади разрушенных окопов возвели новые. Но осажденным было ясно, что они могут достигнуть успеха лишь в том случае, если им удастся разрушить неприятельские осадные машины. Они со всеми силами предприняли вылазку, но были отброшены с большими потерями. После этого Мемнон потерял надежду отстоять город. Управление Карией Александр вручил принадлежавшей к карийскому царскому роду принцессе Аде, которая во многом помогла ему при овладении Карией.

Предпринятый затем Александром поход в Ликию и Памфилию, одновременно с которым Парменион, с большей частью конницы и союзным войском, направился во Фригию, должен был служить к тому, чтобы отнять у неприятеля возможность нападать на морское побережье со своим флотом. Александр овладел сначала городами, расположенными в долине реки Ксанфа (Эсхенчай), направился затем, зимой, в горную область, покорил остальные ликийские города, оттуда двинулся на южный берег Ликии, и далее на север. Завоевав большую часть Памфилии, которая, в административном отношении, подчинена была, как и Ликия, одному сатрапу, Александр прошел в Писидию, где одни города примкнули к нему добровольно, другие были взяты силой, и оттуда во Фригию. Поход этот, происходивший

в зимнее время и по гористой области, представлял много затруднений, и Александр лишь весной 333 г. достиг главного города Фригии, Гордия (теп. Пеби). На акрополе его стояла, между прочим, старинная колесница, ярмо на которой было так искусно укреплено связанным из лыка узлом, что нельзя было найти ни его начала ни конца. Существовало предсказание оракула, что тот, кто развяжет узел, получит господство над Азией. Александру известно было это предсказание, и он решил развязать узел. Тщетно, однако, искал он концов лыка. Свита царя со смущением смотрела на его усилия. Александр извлек меч и разрубил узел. Так или иначе предсказание оракула исполнилось.

Из Гордия Александр, чрез Каппадокию, направился к «Киликийским воротам», то-есть к тому проходу, где дорога из мало-азийского плоскогорья в Тарс переваливает через Тавр. Он почти без сопротивления овладел главным проходом через Тавр (Гюлек-Богаз) и прибыл в Тарс, наместник которого сдался ему. Теперь и Киликия подчинилась царю так же беспрекословно, как и остальные области Малой Азии. В Тарсе Александр, утомленный быстрыми переходами, бессонными ночами, полуденным солнцем, выкупался в горном потоке. Во время купания он потерял сознание, чуть было не

пошел ко дну и замертво отнесен был в шатер, а затем опасно занемог. Врачи опасались за жизнь царя, друзья его скорбели, войско пришло в отчаяние. Греческий врач Филипп, знавший Александра с детства, вызвался приготовить лекарство, которое, по его уверению, должно было помочь больному. Александр согласен был на все, лишь бы получить облегчение. В то время пришло к нему письмо от Пармениона, в котором он рекомендовал не доверять Филиппу; последний, писал Парменион, получил от Дария крупную сумму денег, обещание на брак с царской дочерью, если ему удастся отравить Александра. Александр прочел письмо, но никому не показал его. В назначенный час Филипп принес лекарство. Александр дал прочесть письмо Филиппу и, пока тот читал, выпил кубок до дна. Лекарство подействовало, и вскоре царь выздоровел.

Между тем, Дарий собрал огромное войско и с нетерпением искал встречи с врагом. Нетерпение это было так велико, что он оставил очень удобную позицию, занятую им на равнине, к востоку от Тавра, и спустился, в ноябре 333 г., к морскому берегу. Случилось так, что в то время, как Дарий направлялся по кратчайшей дороге, через горный хребет, к берегу, к тому пункту, где он рассчитывал встретиться с Александром, последний, по более удобной,

но зато более длинной дороге, шел на юг, через береговые ущелья, соединяющие Киликию с Сирией, чрез так называемые «Ассирийские ворота», к расположенному у моря Мириандру (ок. теп. Александретты или Искендеруна). Когда Александр достиг города, он узнал, что Дарий находится в тылу у него. Царь быстро повернул назад. Предстояла решительная встреча обоих войск. У персов было несколько сот тысяч человек, в том числе около 100000 тяжеловооруженной пехоты и панцырных всадников. Дарий надеялся на свое войско, на свою военную силу. Он охотно верил льстивым уверениям своих вельмож и виденному им, незадолго пред выступлением из Вавилона, сну, который был истолкован халдейскими магами в благоприятном для него смысле: он видел македонский лагерь, облитый светом громадного пожара, македонского царя скачущим в персидской царской одежде по улицам Вавилона, но затем конь и всадник исчезли.

Александра персидские полчища не испугали. Он знал, что персидское войско не представляло собой органического целого, неспособно к системе боевых эволюций. Когда ему донесли, что Дарий близко, он созвал командиров отдельных частей и в речи к ним указывал, что то положение, в каком находится теперь враг, обещает самый верный успех. Их не введет в

заблуждение то, говорил он, что они, повидимому, обойдены; они слишком часто сражались со славой и не падут духом при кажущейся опасности; они — опытные, поседелые в боях воины сражаются против давно отвыкших от оружия и расслабленных азиатов, свободные против рабов; находящиеся у Дария эллины, служащие ему за плату, не будут сражаться с такою храбростью, с какой будут биться эллины в македонском войске. Александр напомнил и о том, как 10.000 греков одолели персов, хотя у них и не было такой превосходной кавалерии, какая имеется теперь у македонян. Александр говорил обо всем этом с величием и увлечением, и не было никого, кого не тронули бы слова юного царя. Командиры теснились к нему, чтобы пожать ему руку, чтобы прибавить и от себя храброе слово. Они требовали немедленного выступления, немедленного боя. Александр отпустил их с приказом позаботиться, прежде всего, о том, чтобы вдохнуть мужество в войска, послать вперед несколько всадников и стрелков к береговым проходам и быть готовым выступить с остальным войском вечером.

Персы стояли на узкой береговой полосе пред городом Иссом, прикрытые с восточной стороны рекой Пинаром. Главную часть войска составляли греческие наемники, в ко-

личестве 30.000 человек, занимавшие правый фланг, и 60.000 варваров на левом фланге. За ними теснилась широко растянутая остальная масса. Кавалерия размещена была преимущественно на правом фланге, близко к морю; часть левого фланга Дарий разместил на холмах в восточном направлении, так что эти войска могли напасть на македонян с тылу. Сам Дарий стоял на колеснице в центре войска. Александр для атаки пустил центр и правый фланг; левый фланг, бывший под командой Пармениона, должен был оставаться в резерве. Царь медленно двинулся вперед со своей линией, чтобы в строгом порядке и плотно сомкнутым строем напасть на врага. Он скакал вдоль фронта, обращался со словами ободрения к разным частям своего войска. Войска громко приветствовели его и требовали, немедля, начать нападение. Когда вся линия приблизилась к врагу на близкое расстояние, Александр, при боевых кликах войска, бросился в Пинар. Не понеся значительных потерь под градом стрел неприятеля, македоняне достигли противоположного берега и с такою силой бросились на неприятельскую линию, что последняя, после короткого сопротивления, стала приходить в беспорядок и отступать. Александр, увидев боевую колесницу Дария, бросился туда. Завязалась кровопролитная рукопашная

схватка между знатными персами, защищавшими царя, и предводимыми своим царем македонскими всадниками. Александр в схватке был ранен в бедро, но это еще более воспламенило македонян. Наконец, Дарий поворотил свою колесницу прочь из свалки, за ним последовали ближайшие ряды, а затем бегство стало всеобщим. Со стороны персов пало 100.000 человек, в том числе 10.000 всадников. Арриан не сообщает числа павших македонян. По Диодору, их пало всего 300 человек пехоты и 150 конницы — несомненно, цифры эти преуменьшены. Дарий сначала спасался бегством на колеснице. Затем, бросив щит, он поскакал верхом. Александр преследовал его до заката солнца. Поимка персидского царя казалась ему победным трофеем дня. В ущелье он нашел его боевую колесницу, щит, плащ, лук и с этими трофеями вернулся в персидский лагерь, который был занят без боя и приспособлен для ночного отдыха Александра.

Вместе с лагерем в руки победителя попали и забытые в панике царица-мать, супруга Дария и его дети. Когда Александр, возвратясь из преследования, ужинал с своими офицерами в ставке Дария, он услышал вблизи жалобные стоны и узнал, что это — царские жены, считавшие Дария умершим, потому что они видели, как по лагерю торжественно провезли

его колесницу, лук и мантию. Александр немедленно послал к ним одного из своих друзей сказать, что Дарий жив, что им нечего бояться, что ни к ним, ни к Дарию он не чувствует личной вражды, что он хочет завладеть Азией в честном бою и сумеет отнестись с уважением к их высокому званию и несчастию. Александр сдержал свое слово. К близким Дария не только отнеслись снисходительно, но, попрежнему, воздавали им почести и продолжали служить им по персидскому обычаю. Современники Александра ничему более так не удивлялись, как этой его кротости, там, где он мог показать себя гордым победителем, этой почтительности там, где он мог показать себя царем. Всего изумительнее казалось им, что он отказался воспользоваться правом победителя относительно супруги Дария, считавшейся одною из первых красавиц Азии. Рассказывали также, что царь, в сопровождении Гефестиона, явился в палатку царицы. Царица-мать, не зная, который из них царь, бросилась на землю пред Гефестионом, чтобы поклониться ему по персидскому обычаю. Увидев свою ошибку, она очень смутилась. Александр сказал ей с улыбкой: «Ты не ошиблась, и он — тоже Александр», взял на руки шестилетнего сына Дария, приласкал и поцеловал его.

После битвы при Иссе, Александр отправил-

ся в Финикию. В одном из городов ее он получил письмо от Дария — с требованием вернуть ему его семью и с приглашением заключить с ним мир. Александр послал ответное письмо Дарию такого содержания: «Твои предки пришли в Македонию и Грецию и, без малейшего повода со стороны греков, причинили нам различные беды. Я, будучи избран военачальником эллинов и решив наказать персов за то, что они с нами делали, перешел в Азию после того, как вы недавно подали повод к войне. Ведь, вы поддержали жителей города Перинфа, оскорбивших моего отца, и Ох послал войско во Фракию, господство над которой принадлежит нам. Отец мой пал от руки убийц, которые были подосланы вами; заодно с Багоем ты умертвил царя Арзеса и незаконно присвоил себе персидский престол, не по обычаю персов, но поправ их священнейшие права. Что касается меня, то ты посылал к эллинам, чтобы возбудить их к войне против меня, письма, которые далеко не были дружескими. Ты посылал спартанцам и некоторым другим эллинам деньги, которые, правда, не были приняты ни одним из других государств, кроме спартанцев. Наконец, чрез своих послов ты старался совратить моих друзей и нарушить мир, который я дал эллинам. По этим причинам я выступил в поход против тебя, когда

ты начал враждебные действия. Победив в бою сначала твоих полководцев и сатрапов, а теперь и тебя и твое войско, я, милостью бессмертных богов, стал господином страны, которую ты зовешь своей. Кто из тех, которые в твоих рядах бились против меня, не остался в бою, но перешел ко мне и под мою охрану, о тех я забочусь. Силой я никого не держу, напротив, все охотно и добровольно идут под мое начало. Так как я являюсь господином над Азией, то приходи и ты ко мне; если у тебя есть основания опасаться придти ко мне, пришли кого-либо из твоих вельмож, чтобы получить нужные ручательства. Придя ко мне, ты встретишь благосклонное внимание к твоим просьбам о возвращении твоей матери, супруги, детей и к твоим другим желаниям. Что ты от меня потребуешь, то будет дано тебе. Во всяком случае, если ты будешь посылать ко мне снова, ты должен послать как к царю Азии, не писать мне, как равному тебе, но излагать мне, господину всего, что было твоим, свои желания с должной покорностью. В противном случае, я поступлю с тобой, как с оскорбителем моего царского величества. Если же ты другого мнения об обладании властью, то жди меня еще раз для битвы в открытом поле, и не беги. Я, с своей стороны, отыщу тебя, где бы ты ни был.»

Находили странным и нерасчетливым поступком со стороны Александра то, что он после битвы при Иссе не продолжал преследования персов и не поспешил перейти через Евфрат, чтобы положить конец царству персов. Александр не мог и не должен был этого делать в то время, когда его тыл еще далеко не был обеспечен. Поэтому, он, отправив Пармениона в Дамаск, где тот нашел большие сокровища царя, сам направился, чрез Финикию, на юг, в Египет. Не скоро он достиг его, так как на пути пришлось преодолеть сильное сопротивление финикийского города Тира. Жители Тира готовы были исполнить все приказания Александра. Но когда он им ответил, что он сам явится в Тир, чтобы принести там жертву предку своему Гераклу, жители города заявили, что они не пускают в него ни одного иноземца, даже персов. Александр не мог, конечно, согласиться на то, чтобы Тир оставался независимым, потому что в таком случае он, обладая большим флотом, мог делать, что ему угодно. Правда, до сих пор Александр не считался с персидским флотом, но он должен был убедиться, что в этом случае он поступал ошибочно: персидские корабли, крейсеровавшие в Эгейском море, от времени до времени пробовали возбуждать против Александра греческие города. Поэтому Александр должен был завое-

вать Тир во чтобы то ни стало, и тем самым лишить персидский флот главной его силы. Овладеть Тиром было, однако, не легко: город расположен был на острове, обладал военными судами, а у Александра их не было; к тому же и персидский флот, крейсеровавший в Эгейском море, мог оказать помощь Тиру. Привыкший осуществлять смелые планы столь же смелыми средствами, Александр решил соединить город на острове с сушей и тогда приступить к правильной его осаде.

Новый Тир, выстроенный на острове в полмили длиной и несколько меньшей ширины, был отделен от суши проливом приблизительно в тысячу шагов шириной; фарватер этого пролива имел около острова сажени три, около же материка он был мелкий и илистый. Александр решил с этой стороны проложить чрез море плотину. Материалом для нее послужили строения покинутого жителями старого Тира и кедры близкого Ливана. Сваи входили в мягкое дно моря, а ил служил для соединения опущенных плит. Работа велась очень энергично, и сам царь часто при ней присутствовал. Когда плотины доходили уже близко до стен города, тирийцам удалось разрушить осадные работы и уничтожить, посредством брандера, воздвигнутые на плотине осадные башни. В это время к Александру пришел флот, состоявший из фини-

кийской и кипрской эскадр, которые отделились от персидского флота и передались Александру. Это дало ему возможность предпринять атаку на город со стороны моря. Тирийцы не прочь были вступить в морскую битву; но когда они узнали, что в распоряжении Александра имеется более 200 судов, они сосредоточили свои корабли в своих двух гаванях, расположенных с северной и южной стороны, корабли же Александра не могли приблизиться к городским стенам, так как пред ними лежали в море большие скалы. Нужно было сначала удалить их, и это заняло много времени и труда. Тирийцы попробовали сделать вылазку: они напали с той частью флота, которая стояла в северной гавани, на часть македонского флота, расположенную против нее, в то время, когда Александр находился на южной стороне. Тирийцы имели то преимущество, что они могли из города обозреть всю эскадру неприятеля. Но Александр так быстро подоспел на помощь той части своего флота, которой грозила опасность, что тирийские корабли, с большими потерями, вынуждены были возвратиться в гавань. После этого тирийцы ограничились исключительно обороной стен, а Александр на них-то и сосредоточил все свои атаки. В одном пункте южной стороны стена была настолько пробита, что оказалось возможным

чрез эту брешь проникнуть в город. Чтобы отвлечь внимание защитников от этого пункта, Александр дал приказ произвести общую аттаку на всю линию стен и на обе гавани, а сам, с отборной частью войска, проник чрез брешь в город. Кровопролитная битва началась в нем. 8000 тирийцев пало, а 30000 продано было в рабство. Самый город, с его превосходной гаванью, Александр сохранил с той целью, чтобы обеспечить за собой господствующую позицию в этих водах среди других приморских городов. Тир пал в августе 332 г., после семи месяцев осады. Александр отпраздновал победу тем, что принес жертву Гераклу, в присутствии войска в полном вооружении, между тем, как флот разукрашенный по праздничному, проплыл на высоте острова. Машина, разрушившая стену, была провезена по городу и посвящена в храм Геракла.

Во время осады Тира к Александру снова прибыло посольство Дария, предлагавшее за мать, супругу и детей его 10000 талантов выкупа, обладание страной по сю сторону Евфрата и, вместе с рукой дочери Дария, его дружбу и союз. Александр собрал своих генералов и сообщил им о предложениях персидского царя. Мнения разделились: Парменион сказал, что, если бы он был Александром, он принял бы эти условия. «И я поступил бы так, если бы я

был Парменионом,» сказал царь, но так как он — Александр, то его ответ Дарию таков: в деньгах Дария он не нуждается и не принимает части страны вместо целого; страны и люди, золото и имущество, которые имеет Дарий, принадлежат ему, Александру; если ему захочется жениться на дочери Дария, то он может сделать это без того, чтобы Дарий дал ему ее; пусть он явится лично, если желает что-либо получить от его милости.

После падения Тира путь в Египет был свободен. Александра задержало лишь сопротивление Газы (Газзэ), города, расположенного на возвышенности и укрепленного прочными стенами. Техники об'явили Александру, что построить такие высокие машины, при помощи которых можно было бы штурмовать город, они не в силах. Тогда царь приказал сделать против стены насыпь и с нее приступить к атаке; атака была, однако, отражена, и во время ее Александр был ранен. После этого, он приказал вокруг всего города возвести земляной вал, в 250 футов высоты и в 1200 футов ширины; одновременно отдан был приказ вести подкоп под городскую стену. Лишь после четырех последовательных атак удалось, в ноябре 332 г., овладеть городом. Мужское население его было перебито, женщины и дети проданы в рабство. В руки победителя попала

богатая добыча, состоявшая, главным образом, из арабских пряностей, складочным местом которых была Газа.

Сопротивление Тира и потом Газы задержало поход царя в Египет и только теперь, год спустя, после битвы при Иссе, в начале декабря 332 г., он выступил против последней провинции персидского царя на Средиземном море, которая, если бы она была верна, или находилась в верных руках, могла бы, благодаря своим благоприятным местным условиям, оказать продолжительное сопротивление. Но тогдашнее состояние Египта было состоянием полнейшего застоя. Уже при приближении Александра к Египту он был потерян для персидского царя. Его сатрап Мазак сдался Александру, так как ему ничего другого не оставалось делать: египтяне всегда чувствовали величайшее отвращение к персам; греческие наемники, бежавшие после битвы при Иссе в Египет, были перебиты, персидских войск в распоряжении Мазака не было. В Мемфисе Александр принес жертву египетским богам и Апису и тем тотчас же снискал себе расположение народа. Уважение, с которым он отнесся к египетским жрецам, тем более должно было склонить их к нему, чем глубже они были до тех пор унижены нетерпимостью персидских чужеземцев. Александр почтил также

и греческих богов, устроив в честь их состязания.

Затем он спустился по Нилу к морю и увидел на берегу его, около Каноба, место, которое показалось ему пригодным для основания большого города. Александр сам, рассказывают, хотел тотчас же начертить своему архитектору, Динократу, план города, улицы, рынки, положение храмов греческих богов и египетской Исиды. Так как под руками не оказалось мела, он приказал насыпать на землю муки и провести линии плана; на муку со всех сторон налетело несчетное количество птиц, и это знамение было истолковано в том смысле, что город будет пользоваться благосостоянием и вести обширную торговлю. Известно, как оправдалось это предсказание и мысль царя. Население Александрии росло с поразительною быстротой, ее торговля скоро связала запад с отдаленной Индией; Александрия стала центром греческой культуры последующих столетий, самым славным и прочным памятником своего основателя.

Отсюда, весной 331 г., Александр отправился к оракулу Амона, признаваемому и греками одною из величайших святынь. Оракул находился в обширной пустыне Ливии, в прекрасном оазисе, под пальмами которого стоял храм бога; вокруг храма жила благочестивая

семья жрецов, возвещавших предсказания. О чем же хотел вопросить царь? Его македоняне рассказывали чудесные истории из старых времен, которые теперь получили новый толчок. Стали припоминать ночные оргии матери Александра, ее чародейство, из-за которых она оттолкнула от себя Филиппа: однажды он подстерег ее в спальне и увидел на груди ее змею; люди, посланные Филиппом в Дельфы, принесли ему ответ Аполлона: пусть Филипп принесет жертву Зевсу Амону и чтит его выше всех богов. Другие думали, что Александр желает спросить у бога совета о своем дальнейшем плане. Но чего он желал в действительности, об этом никто не узнал. Чудесные знамения указывали путь к оракулу: когда раз отряд сбился с пути, показались вороны, и Александр приказал следовать за ними. Каллисфен прибавлял даже к этому чуду еще другое: вороны своим криком по ночам созывали сбившихся с дороги и карканьем выводили их на верный путь.

Когда царь прибыл к оракулу, его встретил во дворе храма верховный жрец, приказал всем своим спутникам подождать их снаружи и ввел Александра в святилище бога. Вскоре Александр вышел оттуда с веселым лицом, об'явив, что ответ оракула совершенно совпал с его желаниями. То же он повторил в письме

к Олимпиаде: когда он увидится с нею, он сообщит услышанные им предсказания. Затем Александр щедро одарил храм и возвратился к Мемфис.

Александр умолчал об ответе Амона. Тем живее любопытствовали узнать его македоняне. Те, кто был с ним в храме Амона, рассказывали чудеса: первым приветствием, которое они слышали от верховного жреца, было: «Привет тебе, сын», и царь отвечал: «Да будет так отец; я хочу быть твоим сыном, даруй мне господство над вселенной». Другие македоняне смеялись над этим. Жрец, рассказывали они, хотел говорить по-герчески и обратился к царю со словами «Привет тебе, дитятко» (Пайдион), по ошибке сказал: «Пайдиос», что можно было принять за «Пай-Диос» (сын Зевса). Третьи говорили, что Александр спросил бога, наказаны ли все виновники смерти его отца; на это он получил ответ, что он должен лучше взвешивать свои слова, что никогда смертный не поразит того, кто родил его; убийцы же Филиппа все наказаны. Александр спросил во второй раз, победит ли он своих врагов, и бог отвечал, что ему предназначено владычество над вселенной, что он будет побеждать, пока не возвратится к богам.

По возвращении в Мемфис, царь занялся устройством Египта. Во главе области он по-

ставил сначала двух, затем одного номарха (губернатора) для административных дел; управление войсками вручено было нескольким особым начальникам.

В Тире, куда Александр прибыл из Египта, устроены были роскошные празднества и игры; для придачи блеска им, были приглашены знаменитые актеры греческих городов. В Тир прибыл и афинский корабль «Парал», который афиняне посылали только по священным или особенно важным делам. Прибывшие афинские послы заверили Александра в нерушимой верности ему Афин; Александр ответил на это освобождением взятых в плен при Гранике афинян.

Из Тира Александр двинулся внутрь Персидского царства. До сих пор он овладел всем, что стояло в тесных отношениях с Грецией, Малой Азией, Финикией, Египтом. Теперь ему предстояло направиться в страны, которые были почти неизвестны грекам. В эти страны звал его Дарий, который не успокоился после нанесенного ему при Иссе поражения и, не имея возможности помешать операциям Александра в Сирии и Египте, сделал теперь попытку отрезать македонскому войску сообщение с внутренними частями Азии.

VII.

Перейдя летом 331 г. беспрепятственно Евфрат у города Фапсака (теп. Дибси), Александр взял направление к северо-востоку, переправился через Тигр и затем повернул на юг. На равнине, между Моссулом и Эрбилом (теп. Арбела), при Гавгамеле (теп. Кермелис), вблизи древней Ниневии, встретил он огромное, но разноплеменное, войско Дария: 1 000 000 пехоты, 40 000 конницы, 200 боевых колесниц, 15 слонов; попрежнему в войске были и греческие наемники. У Александра было 40 000 пехоты и 7 000 всадников. Дарий искал такого поля для битвы, на котором могли бы развернуть свою деятельность боевые колесницы. Александр дал, прежде всего, войску немного отдохнуть и тем временем производил рекогносцировку местности, избранной для боя неприятелем. Парменион советовал ему напасть на Дария ночью, но Александр гордо отвечал: «Я не краду побед». Пока он приготовлялся к битве, Дарий утомлял свое войско постоянною караульною службой. В центре он поставил знатных персов и греческих наемников, на которых он — и вполне основательно — всего более надеялся. В виду огромного численного превосходства вражеского войска, Александр, помимо главной

линии, левым флангом которой командовал Парменион, образовал еще вторую: находясь в тылу первой, она должна была, в случае надобности, действовать против вражеских попыток обойти войско с тылу. 1 октября 331 г. Александр повел наступление справа вдоль неприятельского фронта.

Дарий, стянувший в этот день все свои силы, сначала выслал в бой колесницы, а когда они не вызвали среди македонян никакого замешательства, то и пехоту. Но дело было проиграно. В образовавшиеся при первом наступлении пустые места бросился Александр со своими всадниками и фалангой. Войско персидское дрогнуло, и его вождь первым обратился в бегство. Александру предстояло еще принять меры предосторожности, чтобы обезопасить свой сильно теснимый левый фланг. Парменион послал сказать Александру, что он должен получить подкрепление — не то все погибло. Александр, говорят, ответил, что Парменион, должно быть, сошел с ума, если требует теперь помощи; с мечом в руке он сумеет победить или умереть. Он бросился к правому флангу персов. А когда и здесь враг был опрокинут, он обратился к его преследованию. Македоняне потеряли в битве 100 человек и 1000 лошадей, персы около 30 000 убитыми и еще более того пленными. Сокровища

Дария, его колесница, лук и щит, багаж его и его вельмож, вообще несметная добыча досталась в руки Александра.

Дарий не мог уже более собрать свои войска. Через горы он бежал в Мидию, где считал себя в безопасности, так как Александру предстояло, прежде всего, захватить Вавилонию. Неизвестно, пришлось ли ему сражаться за обладание Вавилоном: город сдался, и вавилоняне вышли на встречу победителю. Он приказал восстановить разрушенные Ксерксом храмы Вавилона и совершил жертвоприношение богу Белу. Управление провинцией вручено было трем лицам — прежнему сатрапу-персу, военачальнику и министру финансов, которые взяты были из числа македонян. В Вавилоне Александр дал продолжительный отдых изнуренному войску. После того, как древний центр азиатской культуры сдался Александру, он направился в Сузы; там он нашел 50 000 талантов серебра и художественные произведения, вывезенные Ксерксом из Греции; из них статуи тираноубийц, Гармодия и Аристогитона, он послал в Афины. В Сузах отпраздновал Александр свою победу. Дворцы в Сузах он назначил резиденцией матери и детей персидского царя, которые до сих пор находились при нем и которых он окружил придворным штатом. В декабре 331 г. царь двинулся далее на восток, в Персиду.

Чтобы достигнуть Иранского плоскогорья, ему пришлось пройти чрез дикую гористую местность, пользуясь иной раз только узкими проходами. Наиболее трудный из них, к тому же хорошо укрепленный и защищенный, Александр обошел с частью войска по более короткой дороге, в то время как Парменион, с остальным войском, шел по большой «Зимней дороге». В Персеполе (теп. Тахти-Джемшид), столице провинции Персиды, Александр снова нашел огромные царские сокровища. Цитадель Персеполя, с ее дворцом, была предана пламени, несмотря на то, что Парменион советовал пощадить прекрасное здание и не оскорблять персов уничтожением памятников их прежнего величия и славы. Царь, однако, остался при убеждении, что эта мера полезна и необходима. Он хотел показать всем азиатам, что персидскому царству пришел конец, что мир имеет отныне другого владыку. И, действительно, Персии, как державы, более не существовало. Оставалось еще только овладеть бежавшим царем и принудить восточные сатрапии к признанию нового порядка, что, в виду огромного протяжения этих стран и воинственности населения, должно было отнять много времени и потребовать большого напряжения сил.

В четыре года совершился величайший переворот: Персия была сокрушена, варвары Азии

подчинились эллинам, и мечты эллинских патриотов осуществились. Легко представить себе, какое впечатление все это должно было произвести на современников. Летом 330 г., когда в Афины пришло известие о взятии Экбатаны и бегстве Дария, афинский оратор Эсхин говорил: «Мы прожили необычную человеческую жизнь и история наших дней покажется сказкой нашим потомкам. Персидский царь, прорывший Афон и проложивший мост чрез Геллеспонт, требовавший от эллинов земли и воды и осмеливавшийся называть себя в своих письмах владыкой всех людей от восхода до заката, — этот царь борется теперь уже не за владычество над другими, а за свою собственную жизнь». А немного позднее афинский политик и философ Димитрий Фалерейский писал: «Если бы 50 лет тому назад какой-нибудь бог предсказал будущее персам, или персидскому царю, или македонянам, или македонскому царю, разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен весь мир, останется одно лишь имя, что македоняне, которых раньше едва ли знал кто даже имя, будут теперь властовать над миром. Поистине, непостоянна судьба наша все устраивается вопреки человеческим ожиданиям и являет свое могущество в чудесном. И теперь, кажется мне, она передала македонянам счастье персов

лишь затем, чтобы показать, что и им она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока не пожелает распорядиться ими иначе».

Предсказание, это оправдалось с течением времени. Но теперь верховный вождь македонян, Александр, был в апогее своей славы.

Четыре месяца провел Александр в Персиде и весной 330 г. направился в Мидию, где, в Экбатане (теп. Хамадан), была главная квартира Дария. До Александра дошли слухи, что Дарий еще раз собирается сразиться с ним. Но слухи оказались ложными; персидский царь бежал дальше на север, и Александр обратился к преследованию его. Его путь лежал чрез так наз. Каспийские ворота — узкая дорога, ведущая не к Каспийскому морю, но тянущаяся параллельно южному его берегу, вдоль крайних отрогов Иранского плоскогорья. Таким образом, Александр достиг местности к востоку от Тегерана, теперешней столицы Персии. Там он узнал, что Дарий покинут его приближенными, что он попал в руки некоторых сатрапов, которые хотели воспользоваться его именем, чтобы попытаться оказать сопротивление Александру. Среди этих сатрапов наиболее энергичным оказался властитель Бактрии, Бесс, которого персы и бактрийцы признали своим повелителем. Александру нужно было во что бы то ни стало захватить Дария

и не дать возможности создавать какой-либо шум вокруг его имени. Он ускорил, поэтому, свое преследование. Люди и лошади едва держались на ногах от усталости, а идти приходилось по пустыне, лишенной колодцев. Но Александра это не испугало: выбрав наиболее храбрых всадников и пехотинцев, он посадил их в полном вооружении на коней, велел остальному отряду с возможною быстротой следовать за ними. Александр вступил в пустыню. Когда он настиг караван государственных изменников, он стремглав бросился на него и привел его в беспорядок. Телега Дария, окруженная изменниками, была посредине. Александр был уже близко. Тогда Бесс пронзил Дария кинжалом и бросился бежать... Александр, увидев труп персидского царя, прикрыл его своей пурпуровой мантией и, затем, отправил в Персеполь для торжественного погребения (июль 330 г.).

Со времени смерти Дария в политике Александра наступает, давно уже назревавшая перемена в отношении его к македонянам и грекам. Война, провозглашенная эллинским союзом как отомстительная война персам, могла считаться законченной. Уже из Экбатаны Александр отослал союзные греческие войска на родину и оставил у себя на службе греков лишь в качестве наемников. Победа,

одержанная незадолго пред тем полководцем Александра, Антипатром, над спартанским царем Агисом, обеспечила за Александром его господство в Греции, и он мог чувствовать себя по отношению к грекам совершенно независимым. Македоняне считали поход законченным, и Александру пришлось убеждать их в необходимости, для его целей, дальнейшей войны. Став не противником, а наследником персидского царства, Александр начинает теперь усваивать персидские обычаи; ему ближе становится понятие восточной монархии; для персов он — великий царь, и они считают его как такового, проявляют пред ним все формы восточного подданства, в особенности так наз. проскинесис, то-есть делают пред ним земной поклон. Эти формы Александр старался привить в сознание и своего войска, и это неизбежно повело, как мы увидим позже, к ряду конфликтов между царем и его македонскими подданными.

Дальнейшими завоеваниями Александра были Гиркания (теп. Мазандеран) и области, расположенные у юго-восточного угла Каспийского моря. Он прошел к западу, в страну мардов (теп. Гилан), на южном берегу Каспийского моря. Когда теперь последние греческие наемники Дария, в числе 1.500 человек, сдались ему, он взял их к себе на службу за ту же плату, ка-

кую они получали от персов. После 15-дневного пребывания в главном городе Гиркании, Задракарте (теп. Астерабад?), Александр двинулся на восток. Он задержался некоторое время вблизи горных отрогов между Ираном и пустыней, в местности, где теперь расположен Медшед и где в то время находилась самая северная часть провинции Арейи. Сатрап ее, Сатибарзан, перешел на сторону Александра и получил для охраны 40 македонских гипастистов. Когда царь узнал, что последние умерщвлены по приказанию Сатибарзана, он решил покорить всю Арейю (часть теп. Афганистана), которая, находясь между Ираном, Тураном и Индией, имела выдающееся значение. Александр рассчитывал захватить Сатибарзана в Артакоане (в теп. Герате), но сатрап бежал в Бактрию. Тогда Александр двинулся далее на юг, в Дрангиану (теп. Седжестан), где в его руки попал один из убийц Дария; его царь приказал умертвить. К югу от Дрангианы, на плодоносных равнинах Сеистана, жили ариаспы, или, как их называли греки «благодетели» — мирный земледельческий народ. Александр был благодарен им за их гостеприимство, признал неприкосновенными их древние законы и обычаи. Здесь, осенью 330 г., раскрыт был первый заговор против Александра, в котором оказался замешанным и один из самых

доверенных к нему лиц, сын Пармениона, Филота, главный начальник всей тяжеловооруженной македонской кавалерии. Подробности этого заговора и образа действия Александра настолько характерны для последнего, что стоит подробно рассказать о всем происшедшем, как его изображают Диодор, Плутарх и Курций Руф, хотя за достоверность всех подробностей, сообщаемых ими, и нельзя поручиться.

Александром был недоволен один из его приближенных Димн, и решился отмстить за себя, тем более, что и македонские аристократы чувствовали недовольство переменою, происшедшею в Александре: решено было — царь чрез три дня должен быть убит. План убийства Димн открыл некоему Никомаху. Последний, боясь за жизнь царя, но робея лично открыть ему грозящую опасность, посвятил в подробности заговора Кевалина, своего брата. Последний отправился во дворец. Чтобы не обратить на себя внимания, он стал ждать при входе кого-либо из стратегов. Первый, кого он увидел, был Филота. Он передал ему о заговоре и просил его скорее сообщить обо всем царю. Но Филота, при встрече с царем, стал говорить с ним о посторонних предметах; молчал и на следующий день, хотя и не раз находился с ним наедине. Кевалин стал подозревать и просил одного из царских пажей устроить ему наеди-

не разговор с царем. Во время свидания Александр выслушал Кевалина с глубоким волнением, а затем приказал взять Димна под стражу. Потом, царь призвал к себе Филоту и потребовал от него об'яснения. Тот уверял, что считает все это дело хвастовством Димна. Александр отпустил Филоту, не выразив сомнения в его верности, и пригласил его присутствовать за его столом. Предварительно, однако, он созвал военный совет и сообщил ему о случившемся. О совещании царь приказал хранить молчание и пригласил некоторых из своих друзей, в том числе Гефестиона, явиться к нему в полночь для получения дальнейших приказаний. Верные приближенные сошлись за царским столом, и Филота между ними. Разошлись поздно вечером. В полночь явились приближенные царя с Гефестионом и немногими вооруженными. Царь приказал усилить караул во дворце, занять ворота города, послал отдельные отряды, чтобы ночью арестовать подозреваемых в заговоре, отрядил 300 человек к квартире Филоты, с приказом оцепить дом часовыми, войти в него, арестовать Филоту и доставить его во дворец. Так прошла ночь.

На следующий день войско было созвано на общее собрание. Никто не подозревал, что случилось. Наконец, в круг входит сам царь. Он говорит, что, по македонскому обычаю, созвал

войско для суда: открыт заговор против его жизни. Филоте первому было сообщено о нем. Приходя по два раза в день в царский дворец, он не сказал ни слова. Царь показывает письма Пармениона, в которых отец советует своим сыновьям заботиться, прежде всего, о себе, затем о своих, чтобы таких образом достигнуть цели. Царь прибавляет, что этот образ мыслей подтверждается целым рядом фактов и свидетельствует о гнусной измене. Уже в Египте он хорошо знал о дерзких и угрожающих выражениях, которые Филота не раз повторял перед гетерой Антигоной, но приписывал их его резкому характеру. Уже давно Парменион и Филота перестали служить верно царю, и битва при Гавгамеле едва не была проиграна из-за Пармениона. Со времени смерти Дария предательские планы отца и сына созрели, и пока он продолжал им доверять во всем, они назначили день для его убийства, наняли убийцу и подготовили государственный переворот.

С величайшим волнением слушали македоняне своего царя. Появление скованного Филоты возбудило в них жалость. Царь предоставляет слово защите Филоте, а сам удаляется, чтобы своим присутствием не мешать свободе защиты. Филота отрицает истину обвинений, указывает на верную службу свою, отца, братьев. Он признает, что умолчал о заговоре, чтобы не

быть неприятным передатчиком предостережений, как его отец Парменион предостерегал царя против врача Филиппа. Но ненависть и страх всегда терзали Александра, и это все они и оплакивают. В крайнем возбуждении македоняне решают, что Филота и остальные заговорщики заслуживают смерти. Царь откладывает суд до следующего дня. Недостает признания Филоты, которое должно осветить вину его отца и его соумышленников. Царь созывает тайный совет. Большинство требует немедленного исполнения смертного приговора; другие советуют вынудить признание Филоты пыткой. Среди мучений пытки Филота сознается. С его показанием царь является на следующее утро в собрание войска. Приводят Филоту, и македоняне пронзают его копьями.

Процесс Филоты имел, по преимуществу, печальные последствия в том отношении, что Александр приказал казнить также и его отца Пармениона, наряду с Антипатром, самого видного из своих полководцев, хотя измена Пармениона и не была доказана. Со смертью Пармениона сошел со сцены самый видный полководец и сподвижник Александра, пользовавшийся, благодаря своим заслугам и своему возрасту, большим влиянием в войске. Теперь Александр мог стать царем в том смысле, в каком он желал им быть; не осталось никого

из приближенных к нему, с мнением которого ему приходилось считаться.

Дальнейший путь Александра лежал чрез Гедрозию (теп. Белуджистан) и Арахосию (теп. Кандахар) к Индийскому Кавказу (теп. Гиндукуш). Управление завоенными областями, как и прежде, было поручено местным сатрапам, но под македонским контролем. В конце 330 г. Александр перевалил покрытый снегом Гиндукуш. Дело в том, что Бесс, называвший себя теперь царем Артаксерксом, пытался опустошить страну к северу от Гиндукуша и тем сделать невозможным для Александра дальнейшее его преследование. Но македонское войско, не взирая на все затруднения, прошло в Бактрию и переправилось чрез Окс (Аму-Дарья). Бесс, покинутый своими соумышленниками, захвачен был полководцем Александра, Птолемеем; подвергнув Бесса бичеванию, Александр отправил его в Экбатану, где верховный персидский суд приговорил его, как государственного изменника, к смертной казни, произведенной совершенно варварским способом.

Между тем, Александр продолжал свой поход. В Согдиане, лежавшей на крайнем северо-востоке персидского царства, Александр овладел, кроме главного города ее, Мараканды (теп. Самарканд), еще целым рядом укрепленных пунктов. Стремления его были направле-

ны к тому, чтобы произвести впечатление своей силы и мощи среди пограничных кочевнических племен, Массагетов и друг., у которых зачастую находили поддержку повстанческие движения.

Обитатели этих стран были теснейшим образом связаны с персами и по языку, и по нравам, и по религии, а потому они никогда не тяготились персидским господством; и теперь они не склонны были признавать Александра своим господином. Против Александра поднялось настоящее восстание. Завоевать восставшие города было нетрудно, но тем труднее было разбить неприятеля в открытом поле, так как повстанцы ограничивались тем, что, опираясь на свою превосходную конницу, разрывали связь между отдельными частями македонского войска, а когда приближалось последнее в большом количестве, уходили в безграничную степь, куда противник не мог за ними последовать, или скрывались в неприступных скалистых крепостях. Вследствие всего этого восстание сначала имело успех; македонский отряд, численностью в 2000 человек, почти весь был истреблен. Наконец, главу восставших, Спитамена, удалось разбить в двух сражениях и принудить его бежать в степи, где он и был убит своими прежними союзниками. Затем и все, вообще, восстание было подавлено, и повстанцы

жестоко наказаны. Для обеспечения за собой завоеванных областей Александром основан был ряд колоний, в том числе и пограничная крепость Александрия Крайняя (Эсхате), теп. Ходженд, на берегу Яксарта (Сыр-Дарья).

В конце 329 г. Александр направился в Зариаспу и расположился там на зимнюю стоянку. В это время явилось к нему посольство от скифов, которое предлагало ему в супруги дочь скифского царя; прибыл к Александру и царь, жившего вблизи Аральского озера, племени хорасмиев, склонявший его двинуться на запад. Александр заявил, что это будет сделано тогда, когда он завоюет Индию. Из Зариаспы Александр издал ряд распоряжений для умиротворения пограничных стран, расположенных на севере. Чтобы покорить окончательно эти далекие страны, Александр выслал в разные стороны отряды войска и сам проделал несколько походов. Он оставался в этих отдаленных местах до лета 327 года. Зиму с 328 по 327 г. он провел в Навтаке, справа от Окса, к северо-западу от Мараканда.

Зима эта ознаменовалась двумя важными событиями в жизни Александра — убиением его близкого друга Клита и браком с Роксаной.

Убиение Клита — одно из самых печальных событий в жизни Александра. Оно служит показателем той перемены, которая про-

изошла в царе. Вот подробности этого происшествия. Клит, спасший жизнь Александра в битве при Гранике, был назначен сатрапом Бактрии. До его отправления туда дни проходили в охотах и пирах. Во время празднеств в честь Диоскуров, в то время как Клит совершал жертвоприношение, он был позван Александром, который хотел, чтобы его друг полакомился присланными плодами. Клит прервал жертвоприношение и поспешил к царю. Три уже обрызганных кровью для жертвоприношения овцы побежали за ним — печальное предзнаменование. Царь велел принести жертву за Клита, еще более смущенный привидившимся ему сном: он увидел Клита в черной одежде, сидящим между окровавленными сыновьями Пармениона.

Вечером Клит явился к столу. Гости пировали до ночи. Прославлялись дела Александра, говорили, что даже Геракла нельзя сравнить с ним — так велики его подвиги. Клит, возбужденный вином, возмущенный лестью пред царем, заметил, что подвиги его вовсе уже не так велики; большей частью своей славы он обязан македонянам. Александр с неудовольствием слушал эти речи от человека, которого он отличил пред всеми, но пока молчал. Спор шел все громче. Зашла речь о делах царя Филиппа. Когда стали утверждать, что он не совершил

ничего замечательного, что вся слава его основывалась на том, что он отец Александра, Клит не выдержал, стал защищать Филиппа, умалять дела Александра, восхвалять себя самого и старых полководцев. Упомянул он о казни Пармениона и его сыновей и завидовал счастью тех, которые умерли, или были казнены прежде, чем им пришлось видеть, как македонян бичуют мидийскими розгами, как они вымаливают у персов доступ к царю. Поднялись многие из старых полководцев, стараясь унять разгоряченного вином и страстью Клита. Александр, не вмешивавшийся до сих пор во все происходящее, обратился к сидевшему с ним рядом за столом греку со словами: «Не правда ли, вы, другие эллины, считаете себя среди македонян за полубогов, находящихся среди животных?» А Клит продолжал шуметь и заметил Александру: «Эта рука спасла тебя при Гранике; ты можешь говорить, что тебе вздумается, но должен вперед приглашать к столу не свободных людей, а варваров и рабов, которые целуют край твоих одежд и молятся на твой персидский пояс». Александр не мог долее сдерживать своего гнева. Он вскочил, чтобы схватиться за оружие; друзья убрали оружие. Он крикнул по-македонски своим гипастистам, чтобы они отмстили за своего царя. Никто не отозвался на его зов. Он приказал

трубачу трубить тревогу и, когда тот не повиновался, ударил его кулаком по лицу. «Со мною поступают теперь так, сказал он, как поступали с Дарием в то время, когда его влек Бесс, и он не имел ничего, кроме жалкого имени царя. И кто мне изменяет? Клит, который мне всем обязан». В это время Клит, которого друзья увели, слыша свое имя, вошел в залу с другого конца. «Клит здесь, Александр», сказал он и продекламировал стихи Еврипида:

Как ложен суд толпы. Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет.
И пусть одно из мириады копий
Он потрясал и делал то, что все,
Но на устах его лишь имя.

Александр вырвал копье у оруженосца и бросил им в Клита, который упал замертво. Друзья отступили в ужасе. Царь пришел в себя; раскаяние, скорбь и отчаяние овладели им. Он вырвал копье из груди Клита и упер его о землю, чтобы умертвить себя над его телом. Друзья удержали его и отнесли его на ложе. Он плакал и стенал, обвинял себя в убийстве своих друзей и с проклятиями звал на свою голову смерть. Так пролежал он трое

суток над телом Клита, запершись в своей палатке, без пищи и питья. Войско, полное тревоги и опасения за своего царя, собралось и об'явило, что Клит убит по праву; солдаты призывали своего царя, но он не выходил. Тогда полководцы решились открыть палатку; они заклинали царя вспомнить о своем войске и своем царстве и сказали ему, что, по знамениям богов, божество было причиной происшедшего несчастья. Царь, наконец, успокоился.

Несмотря на раскаяние Александра, отчуждение между царем и македонянами все росло и росло. Македонян и греков оскорбляло, что Александр стал носить персидское платье. Еще более возмущало их, что все они, по персидскому обычаю, должны были приветствовать его земным поклоном. С точки зрения греков это не только было недостойно свободного человека, но попросту являлось смешным. Александр должен был отказаться от того, чтобы требовать от македонян и греков соблюдения проскинесиса.

Некоторые из новых ученых указывают, что принятие Александром персидского придворного церемониала было необходимой политической мерой. Конечно, мера эта была практически полезной: Александр не хотел быть в глазах азиатов чужим человеком; но можно

сомневаться, правильно ли и целесообразно ли было то, что и в глазах греков и македонян Александр хотел разыгрывать из себя восточного деспота.

Царя окружала очень пестрая свита: македонская аристократия, воинственная, своевольная, властолюбивая и самолюбивая; азиатские вельможи, до тонкости знакомые с искусством роскоши, низкопоклонства и интриги; наконец, греки — техники, поэты, художники, философы. В числе греков, находившихся в свите Александра, двое, благодаря странному стечению обстоятельств, приобрели особое значение в придворной жизни. Один из них был Каллисфен, племянник и ученик Аристотеля, присланный последним к своему царственному воспитаннику. Каллисфен сопровождал Александра на восток, чтобы, как очевидец, поведать потомству о великих подвигах македонян; он явился, по его словам, для того, чтобы прославить Александра. Высокое образование Каллисфена, его манера держать себя с достоинством, доставили ему уважение и авторитет также и в военных кругах. Иного характера был философ Анаксарх. Это был светский человек, всегда послушный царю и даже несколько тяготивший его. Рассказывают, что раз, во время бури, Анаксарх спросил Александра: «Это ты гремишь, сын Зевса?» На что Алек-

сандр со смехом отвечал: «Я не хочу показываться моим друзьям в таком ужасном виде, как этого желал бы ты, который презираешь мой стол потому, что я не подаю за ним вместо рыбы голов сатрапов». После убиения Клита Анаксарх, говорят, пытался поднять упавший дух царя такими рассуждениями: «Разве ты не знаешь, царь, что правосудие сидит рядом с царем Зевсом, так как все, что делает Зевс, хорошо и справедливо. Точно также все то, что делает царь в этом мире, должно быть признано справедливым сперва им самим, а затем и другими людьми».

Охлаждение между Александром и Каллисфеном началось по следующему поводу: однажды Каллисфен за обедом приглашен был царем сказать похвальную речь македонянам. Он исполнил это с большим искусством. Тогда царь сказал, что славные дела прославлять нетрудно. Пусть Каллисфен покажет свое искусство и произнесет речь против тех же македонян и справедливыми упреками научит их лучшей жизни. Каллисфен исполнил это с жестокой язвительностью: несчастные раздоры греков создали могущество Филиппа и Александра, сказал он; во время смут и ничтожная личность может иногда достигнуть почетного положения. Раздраженные македоняне повскакивали со своих мест, а Александр заметил: «Кал-

лисфен дал нам доказательство не своего искусства, а своей ненависти против нас». Каллисфен, уходя домой, трижды сказал самому себе: «И Патрокл должен был умереть, а был, ведь, выше тебя». Другой раз Каллисфен, во время пира, произнес речь, направленную против требования царя делать ему «проскинесис». По другому рассказу царь взял за столом золотую чашу и обратился с тостом сначала к тем, с которыми он условился относительно «проскинесиса»; тот, к кому он обращался, выпивал свою чашу, вставал, делал земной поклон и получал затем поцелуй от царя. Когда очередь дошла до Каллисфена и царь обратился с тостом к нему, а сам продолжал разговаривать с сидевшим рядом с ним Гефестионом, Каллисфен выпил чашу и поднялся, чтобы подойти к Александру и поцеловать его; царь показал вид, что не замечает неотдачи «проскинесиса»; но один из «гетеров» сказал: «Не целуй его царь, он — единственный не молился на твою особу». Александр отказал Каллисфену в поцелуе, а тот, возвращаясь на свое место, сказал: «Итак, я ухожу одним поцелуем беднее».

Большим почитателем Каллисфена был молодой македонский аристократ Гермолай, принадлежавший, в звании телохранителя, к ближайшей свите царя. Он также, под влиянием

Каллисфена, с неудовольствием смотрел на пренебрежительное отношение царя к македонским обычаям. Во время одной охоты, когда пред царем, которому, по придворному обычаю, принадлежало право первому метнуть дротик, выбежал на тропинку кабан, Гермолай первым метнул дротик и убил животное. Александр приказал высечь юношу и отнять у него лошадь. Тот был сильно возмущен этим. Это обстоятельство дало толчок к тому, что составился заговор против царя, в котором приняли участие и другие недовольные и оскорбленные Александром македоняне. Было условлено убить царя во время сна в ту ночь, когда караул будет занимать один из заговорщиков. Царь ужинал в эту ночь со своими друзьями и долее обыкновенного оставался в их обществе. Когда после полуночи он хотел уходить, одна предсказательница явилась пред ним и сказала, чтобы он оставался и пил всю ночь. Царь последовал этому совету и таким образом план заговорщиков не удался. Потом заговор был раскрыт, заговорщики арестованы, подвергнуты допросу и пытке, во время которой, между прочим, заявили, что Каллисфен знал об их намерениях. Тогда был арестован и Каллисфен. По судебному приговору, он, как грек и не служивший в войске, был закован в цепи с тем, чтобы быть судимым впоследствии. Але-

ксандр, как говорят, писал об этом происшествии Антипатру: «Юношей побили камнями македоняне, Каллисфена же я хочу наказать сам, а также и тех, кто прислал его ко мне и кто принимает в свои города изменников против меня». По одному известию, Каллисфен умер пленником во время похода в Индию, по другому — он был предан пытке и повешен.

Брак Александра с азиаткой Роксаной произошел таким образом: Александр, осаждал один замок в Согдиане, в котором проживал со своим семейством сатрап Оксиарт. Замок считался неприступным и защитники его велели сказать македонянам, что им нужно научиться летать, если они хотят взобраться в него. Назначив огромные награды — первому, кто взберется, 12 талантов, второму — 11 и т. д. до двенадцатого — царь добился того, что нашлись смельчаки, которые стали взбираться на высоту. Тогда Оксиарт сдался. Восхищенный красотой его дочери, Роксаны, Александр женился на ней. От нее у царя родился сын, Александр. Брак царя с азиаткой произвел очень тягостное впечатление среди македонян и греков.

VIII.

С того момента, как в северных провинциях царства Александра наступило успокоение, в его внешней политике происходит резкое изменение. Завоевание персидского царства доведено было до предельного конца. Не было ни стратегической, ни политической необходимости идти далее. Более того, покоренные области раскинулись так далеко, столько работы предстояло для их внутреннего сплочения, что остановиться на достигнутых результатах было бы, быть может, правильнее и целесообразнее всего. Но Александр стоял теперь как раз на пороге Индии. И вот он хочет осуществить свою давнишнюю мечту, завоевать страну, полную чудес. Военных затруднений это предприятие, в глазах Александра, не должно было представлять: жители Индии, правда, были храбры и воинственны, плодородная страна имела густое население, но, в политическом отношении, она была разбита на ряд независимых государств, постоянно враждовавших между собой.

Летом 327 г. царь вторично перевалил чрез Паропамис. В Бактрии оставлен был Аминта с 10.000 пехоты и 3.500 конницы. Александр усилил свою армию и двинулся в поход с 120.000 человек пехоты и 15.000 конницы.

Спустившись в долину Кофена (Кабула), он разделил свое войско: Гефестиона и Пердикку он послал вперед по прямому пути к Инду, чтобы обеспечить за собой переправу чрез него, сам же направился к долине, орошаемой северными притоками Кофена и населенным воинственными племенами. Здесь он взял, между прочим крепость Аорн (м. б. теп. Ранигат), недалеко от впадения Кабула в Инд, которую, по преданию, тщетно пытался завоевать даже Геракл, посетил Нису (теп. Джеллалабад), основанную, по сказаниям, Дионисом. Соединившиеся снова обе части войск перешли, в начале весны 326 года, Инд, вероятно, около Аттока. К востоку от него, между Индом и Гидаспом (теп. Джилам) растилалось царство Таксила, примкнувшего к Александру. Но на Гидаспе начались бои. Здесь было царство могущественного Пора, не склонного подчиниться Александру. Пор занял со своим войском восточный берег Гидаспа. Александр, чтобы победить Пора, прибегнул к такому маневру: с большей частью своего войска он направился к такому пункту, у которого можно было перейти реку, не будучи замеченным, отряд же войска, под начальством Кратера, был поставлен против того места, где стоял Пор. Последний счел этот отряд за все македонское войско и не принял мер охраны на других местах берега.

Когда Александр уже переправился чрез Гидасп, Пор заметил свою оплошность и выслал против Александра отряд войска, под командой своего сына. Александр разбил этот отряд; сын Пора пал в битве. Теперь Александр обратился против самого Пора. Конница Александра превосходила конницу Пора, но у последнего было 180 слонов, которые могли представлять большую опасность для македонских лошадей, не видавших до тех пор слонов в таком количестве. Возможно, что, если бы Пор напал первый, он имел бы успех; но он ожидал, пока нападет Александр, который тем временем обратился против выстроенной вблизи реки кавалерии и разбил ее. Двинутые в дело слоны стали теснить македонскую фалангу. Но македонская конница обошла войско Пора с флангов и заставила его отступить на небольшое пространство, где озверевшие животные стали приносить вред своему же войску. Пор потерпел жестокое поражение. 20.000 человек и 10 слонов пало, остальное стало добычей македонян. Сам Пор, раненый, бежал на своем слоне. Александр бросился за ним; в это время изнуренный зноем, под ним пал его старый, верный боевой конь Букефал.

Александр, пришедший в восторг от проявленной в битве храбрости своего противника, послал к нему Таксила, с предложением

сдаться. Пор замахнулся на него копьем. Лишь после крайнего истощения сил во время бегства, Пор сдался и велел отвести его к Александру. Когда царь увидал его идущим к себе, он поспешил ему навстречу в сопровождении немногих лиц своей свиты. После первых приветствий, Александр, как говорят, спросил Пора, как бы он желал, чтобы с ним обходились. «Как с царем», отвечал Пор. На это Александр заметил: «Я готов поступить таким образом; требуй всего, чего тебе будет угодно». Пор ответил: «В одном этом слове заключается все». Александр всегда преклонявшийся перед мужеством, любивший меткие ответы, возвратил Пору его царство еще в увеличенном виде, и с тех пор оба царя стали верными союзниками.

Александр двинулся далее на восток, перешел реку Акесин (теп. Чинаб) и Гидраот (теп. Иравати) и достиг реки Гифасиса (теп. Биас), левого притока Инда, думая перейти также и его. Но солдаты отказались следовать далее. Они были изнурены непрерывными походами, а, главным образом, страдали от климатических условий страны. Немного македонян, говорит Диодор, осталось в живых, и эти были близки к отчаянию; копыта лошадей были стерты далекими походами; множество сражений притупило и сокрушило оружие воинов; никто не имел более греческого платья; лохмотья варвар-

ской и индийской добычи, кое-как сшитые друг с другом, прикрывали эти покрытые шрамами тела завоевателей вселенной; уже 70 дней шли сильнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями. Они слышали, что к северу от Гифасиса земля еще плодородная, но что далее к югу растилается огромная пустыня, а за нею расположены новые царства, новые народы, с которыми предстоит опять борьба. У войска пропала охота — и это вполне естественно — вести борьбу до бесконечности. Достаточно и тех восьми лет, в течение которых шли беспрерывные войны. Пора домой. Александр призвал командиров отрядов и обратился к ним с такой речью: Так как они не желают следовать за ним далее, то он призвал их для того, чтобы или убедить их в пользе дальнейшего похода, или быть убежденным ими, и возвратиться домой. Если прежние войны и его предводительствование кажутся им заслуживающими упрека, то ему нечего более говорить; для мужественного человека каждое дело должно быть доведено до конца. Если кому угодно знать конечный пункт его походов, он может сказать им: до Ганга, до моря на востоке теперь уже недалеко. Там он покажет своим македонянам морской путь к Гирканскому и Персидскому морю, к берегу Ливии, к Геракловым столбам. Границы, поставленые

богами этому миру, должны быть границами Македонского царства, но теперь между противоположным берегом Гифасиса и восточным берегом предстоит покорить не один народ, а за ними до Гирканского моря бродят независимые орды скифов. Неужели македоняне боятся опасностей? Неужели они забывают о своей славе и надежде? Потом, когда мир будет покорен, он приведет их обратно в Македонию, богатых имуществом, славой и воспоминаниями.

Продолжительное молчание последовало за речью Александра. Наконец, один из полководцев, недавно еще отличившийся в сражении при Гидаспе, сказал следующее: Царь желает, чтобы войско следовало не столько его приказаниям, сколько своим убеждениям. Поэтому, он будет говорить не за себя и полководцев, которые готовы на все, но за массу войска; он будет говорить не для того, чтобы угодить ей, но чтобы сказать самому царю, какой путь для него и теперь и в будущем будет самым верным. Его годы, его раны, доверие царя дают ему право говорить прямо. Чем более подвигов совершил Александр и его войско, тем необходимее положить этому предел. Старых воинов, оставшихся в живых, немного в войске, другие рассеяны по городам, мечтают о возвращении на родину, к отцу и матери, к жене и детям; там желают они прожить остаток

своей жизни, окруженные близкими, вспоминая о своей богатой подвигами жизни, наслаждаясь славой и богатством, которые разделил с ним Александр. Такое войско не нужно посылать на новые войны; пусть Александр ведет его домой, где он увидится со своей матерью и украсит храм родины трофеями. Если он ищет новых подвигов, он снарядит новое войско и двинется с ним в Индию, в Ливию, к восточному морю, к Геракловым столбам, и боги даруют ему новые победы. Но лучший дар богов — умеренность в счастье; не врагов должен он бояться, но богов и их предопределения.

Наступило всеобщее волнение. Многие плакали при одной мысли о возвращении на родину. Но Александр был недоволен и распустил собрание. На следующий день он снова созвал его. Скоро, сказал он, он двинется далее; он не будет ни одного македонянина принуждать следовать за ним. Ведь у него осталось довольно храбрецов, жаждущих новых подвигов. Остальные могут идти на родину. Пусть они расскажут там, как они покинули своего царя среди вражеской земли. С этими словами Александр удалился в свой шатер и три дня не показывался македонянам в надежде, что настроение войска переменится, что армия решится продолжать поход дальше. Но маке-

доняне, как им ни тяжело было чувствовать немилость царя, не изменили своего решения. Несмотря на это, царь, на четвертый день, принес жертву на берегу реки, чтобы освятить переправу. Приметы жертвы были неблагоприятны. Тогда царь призвал к себе старейших и преданнейших лиц своей свиты и об'явил им, а чрез них и всему войску, что он решил возвратиться на родину. Македоняне от радости плакали и смеялись; столпившись кругом царского шатра, они прославляли царя, что он, всегда непобедимый, дал победить себя своим македонянам. В память того, до каких пределов он дошел, Александр приказал построить двенадцать высоких, как башни, алтарей, устроил пышные состязания и перешел чрез Акесин к Гидаспу, где закончил начатую уже ранее постройку городов Никеи, названную так в память его победы над Пором, и Букефалу (ок. теп. Дарапура), в память верного соратника своих походов, коня Букефала.

Еще непосредственно, вслед за победой над Пором, Александр отдал приказ строить корабли, материалу для чего в той местности было в изобилии. Теперь, поздней осенью 326 г., он с частью своих войск поплыл по Гидаспу; остальное войско, посаженное на корабли и врученное под команду Неарха, сопровождало его. Александр двигался быстро; он имел в

виду покорить племена оксидраков и маллов. Во время штурма одного из городов царь едва не погиб. Защитники города укрылись в цитадели; Александр поспешил за ними с небольшим отрядом и взобрался на стену цитадели. Вдруг подломилась лестница, и царь, с немногими спутниками, оказался отрезанным. Вместо того, чтобы подождать пока подоспеет помощь, он спрыгнул вниз и сначала оставался совершенно один, а затем с теми, кто последовал за ним, бросился в атаку на неприятеля. Во время ее он получил рану в грудь и упал на землю. Один из лиц его свиты прикрыл Александра щитом, взятым из храма Афины в Илионе. Наконец, подоспели остальные македоняне к цитадели, и все защитники последней были перебиты. Царю, для извлечения стрелы, пришлось делать операцию. От большой потери крови он упал в обморок. Войско считало его уже умершим. В лагере, у устья Гидраота, происходило неописуемое волнение. Когда пришло известие, что царь еще жив, никто не хотел этому верить. А когда пришло письмо от самого царя, что он скоро возвратится в лагерь, солдаты сочли это письмо подложным.

Между тем, Александр чрез семь дней после операции, хотя рана еще и не закрылась, слыша о волнениях в войске, поехал в лагерь, не дожидаясь полного выздоровления. Весть,

что Александр едет в лагерь, опередила его, но ей поверили лишь немногие. Царь, ехавший на лодке в особо устроенном для него шатре, приказал открыть его, чтобы все могли видеть царя. Прежде, чем он достигнул берега, он поднял, в знак приветствия, руку. Тогда войско радостно закричало; думали перенести царя с лодки на носилках. Но он приказал привести коня, а затем, когда под'ехал на коне к шатру, соскочил, чтобы люди могли видеть его идущим. Трогали его ноги, руки, одежду, бросали повязки и цветы. Ликование было всеобщее...

Вполне оправившись, Александр продолжал поход, частью сухим путем, вдоль Инда, частью на судах, по реке. Битвы, которые ему пришлось здесь выдерживать, вызваны были отчасти религиозной оппозицией, поднятой брахманами, побудившими отпасть от Александра Мусикана, властителя большого и плодородного царства. Своеобразная, строго в себе замкнутая, чуждая всего иноземного, религиозная жизнь обитателей царства Мусикана, крепко сплоченная в нем каста жрецов — все это чрезвычайно затрудняло для Александра заложить здесь прочные корни эллинской культуры. Но царь, отказавшись от намерения распространить свое господство над Индией, все же считал необходимым обеспечить за собой те области, чрез которые он прошел и ко-

торые он подчинил. Об этом свидетельствует ряд предпринятых им мероприятий. Царям Пенджаба, в том числе и Пору, оставлены были их царства, и они вступили как бы в вассальные отношения к Александру. Но остальные области, переданы были им в управление македонским сатрапам. Наиболее важные пункты, преимущественно у устьев рек, были укреплены. Насколько Александр был озабочен область в устье Инда связать возможно ближе со своим царством, показывают следующие его мероприятия: он приказал укрепить Патталу (теп. Гейдерабад) там, где Инд начинает разветвляться на несколько рукавов; построить в том месте корабельные верфи, чтобы создать здесь центр для торгового обмена со всей областью Инда. В Паттале Александр отправил третью часть своего войска под командой Кратера, сам же направился к морю, где его войско могло впервые наблюдать явления прилива и отлива. Он выплывал в океан, где принес в жертву Посидону быка, погрузив его в море, затем сделал возлияние из золотой чаши и также бросил ее в волны. Он молил морских богов милостиво принять в свое лоно его флот.

В конце лета 325 г. Александр отправил свой флот, дав поручение Неарху плыть по Индийскому океану к устьям Тигра и Евфрата, а сам с войском отправился чрез Гедросию (теп.

Белуджистан), держась по возможности близко берега для того, чтобы поддерживать сообщение с флотом. Этот поход был одним из самых трудных и опасных, потому что Гедросия, песчаная пустыня, была одною из самых жарких областей тогдашнего мира. До Пуры, главного города Гедросии, пришлось употребить 60 дней пути, чтобы пройти пространство около 750 верст. Войско страдало от жажды. Утешаться оставалось только одним: этот поход затмевал дела Семирамиды и Кира, единственных царей, прошедших, по преданию, с войском по этой дороге. Но в то время, как, по тому же преданию, у Семирамиды в результате похода осталось всего 20 воинов, а у Кира только 7, Александр потерял три-четверти своего войска. Во время похода по пустыне солдаты однажды принесли Александру немного воды, которой им удалось достать, в шлеме. Царь в присутствии всех вылил воду на песок. Он не хотел утолять жажду, когда ею томились его воины. Один раз войско сбилось с пути, проводники не могли найти его; пришлось самому Александру отыскивать дорогу.

Из Пуры Александр двинулся в Карманию (теп. Кирман), где встретился с Кратером. Александр принес здесь благодарственную жертву за благополучное окончание индийского похода. Из Кармании он направился в Пасар-

гады (теп. Фаза), куда и прибыл зимой 325 г. Пребывание Александра в центре его царства было настоятельно необходимо. Накопилось много, за его отсутствие, всякого рода недоразумений, которым нужно было так или иначе помочь. Оказалось, что организация, данная Александром его царству, не вполне удовлетворительна, чтобы обеспечить за ним твердую сплоченность, чтобы парализовать повсюду сказывавшиеся сепаратистические стремления отдельных лиц и даже племен. Связь государства покоилась на личности царя, на его сказочных успехах, и эта связь готова была теперь, за время долгого отсутствия его в Индии, порваться. И не только в различных провинциях сатрапы и поставленные Александром правители позволяли себе превышать свои полномочия; нашелся один мидянин, который провозгласил себя великим царем. Александру пришлось принять крутые меры для водворения порядка.

Но если изменники должны быть наказаны, то верные друзья должны были быть награждены, а народы, населявшие огромное царство, должны были убедиться, что царю Азия была так же дорога, как и Европа. И вот в Сузах, в феврале 324 г., произошло величественное сочетание обеих частей света. Даны были великие торжества, на которые были при-

глашены сатрапы и военачальники со своими свитами, государи и вельможи Востока со своими женами и дочерьми, чужеземцы со всех сторон Азии и Европы.

Приготовлен был большой царский шатер. Верх его, затянутый разноцветными дорогими вышивками, покоился на 50 высоких, обложенных золотом и серебром и усыпанных драгоценными камнями, колоннах. Посредине шатра было оставлено пустое пространство. Вокруг шатра с обитых золотом и серебром перекладин свешивались драгоценные шитые ковры. Посредине накрыт был стол. На одной стороне стояло сто диванов для женихов; диваны покоились на серебряных ножках, а царский диван был из золота; напротив были места для гостей царя; кругом были расставлены столы для посольств, чужеземцев, войска, флота. Трубы из царского шатра подали сигнал к началу празднества, а гости царя — их было 9000 — заняли места за столами. Снова звук трубы возвестил, что царь совершает возлияние богам; с ним вместе совершали возлияние его гости, каждый из золотой чаши — царского подарка. Опять звук трубы — и, по персидскому обычаю, вступило шествие покрытых покрывалами невест, и каждая из них приблизилась к своему жениху: Статира (или Барсина), дочь персидского царя к Александру,

ее младшая сестра Дрипитида к его другу Гефестиону и т. д., в общем, 80 приближенных сподвижников царя получили в жены знатных персиянок. Пять дней праздники следовали за праздниками. Посольства и союзники доставили царю несметное количество свадебных подарков. Он также щедрою рукой рассыпал их. О невестах сиротах он заботился как отец, дал всем царственное приданое; все, которые женились вместе с ним в этот день, получили драгоценные подарки; все македоняне, женившиеся на азиатских девушках — таковых было до 10 000 — были освобождены от податей. Новые пиры, зрелища, в том числе и театральные, торжественные шествия, всевозможные увеселения наполнили следующие дни. Затем глашатаи возвестили, что царь принимает на себя долги своего войска; каждый должен записать ту сумму, которую он должен, а затем получить ее. Сначала записались немногие; боялись, что царь желает только узнать, кто живет слишком расточительно. Александр, оскорбленный таким недоверием, приказал расставить столы в различных пунктах лагеря, и разложить на них золото с приказанием уплачивать каждому, кто покажет счет, не спрашивая даже его имени. Для покрытия долгов понадобилась сумма около 20 000 талантов. Одновременно с этим всеобщим погашением

долгов царь роздал истинно царские подарки тем, кто отличился своей храбростью, и верною ему службой.

В это время произошло трогательное, в своем роде, событие. Один из кающихся, из царства Таксила, удивленный могуществом Александра и его любовью к истине последовал за македонским войском, несмотря на нежелание своего начальника и насмешки товарищей по покаянию. Александр уважал этого человека — имя его было Калан — за его серьезность, мудрость и благочестие. Калан был очень стар. В Персии он в первый раз в жизни почувствовал себя больным, и сказал царю, что прекраснее умереть прежде, чем физические страдания заставят его покинуть свой прежний образ жизни. Тщетны были возражения царя; он видел, что должен уступить. Он приказал воздвигнуть для Калана костер и приготовить все остальное с величайшей торжественностью. Сам Александр не хотел присутствовать при кончине дорого ему человека. Он только с изумлением заметил о смерти Калана: «Он победил более могущественных противников, чем я».

Пышные торжества окончились. Наступили будни, а с ними вместе пришло и недовольство македонян, которые негодовали на то, что Александр стал допускать в войско восточные эле-

менты. В царской коннице гетеров был уже отряд, состоявший из бактрийцев, и других восточных племен; в так наз. агеме, представлявшей отборный отряд войска, были азиаты, вооруженные македонскими копьями. В Сузах царь отобрал еще 30.000 азиатских юношей для зачисления их в ряды македонского войска. Старым солдатам это было невыносимо. Взрыв недовольства произошел в июле 324 г. в Опизе (теп. Тель-Манджур?). Когда царь об'явил там, что он отпустит ветеранов домой, щедро наградив их, все закричали: «все войско нужно отправить домой». Александр тогда обратился к войску со второй речью. Не для того, чтобы удержать вас, сказал он, буду я еще раз говорить с вами; по мне, вы можете идти, куда хотите. Я хочу только показать вам, чем вы сделались благодаря мне. Многое сделал для вас мой отец, но в сравнении с тем, что было совершено позднее, оно ничтожно. Мой отец оставил мне в сокровищнице немного золотых и серебряных сосудов, не более 60 талантов денег и 500 талантов долгу. Я сам должен был прибавить 800 талантов долгу, чтобы иметь возможность начать поход. Тогда, хотя персы господствовали над морем, я открыл вам Геллеспонт; я победил сатрапов персидского царя при Гранике; я покорил богатые сатрапии Малой Азии и дал вам возможность наслаждаться

плодами побед; вам достались богатства Египта и Кирены; вашими сделались Сирия и Вавилон, Бактрия; вашими сделались сокровища Персии, богатства Индии и обтекающее вселенную море; из вашей среды вышли сатрапы, военачальники, стратеги. Что сам я имею от всех этих битв, кроме пурпура и диадемы. Я ничего не приобрел для себя, и нет никого, кто мог бы показать мои сокровища, если он не покажет вашего имущества и того, что сохраняется для вас. И к чему мне накоплять себе сокровища, когда я ем, как вы едите, и сплю как вы спите. Многие из вас живут даже роскошнее меня, и не одну ночь должен я проводить без сна, чтобы вы могли спать спокойно. Или тогда, когда вы переносили труды и опасности, у меня не было забот и огорчений? Кто может сказать, что он перенес ради меня более, чем я перенес ради него. Пусть тот из вас, кто имеет раны, покажет их, а я покажу свои. Нет такого места на моем теле, где не было бы раны, и нет такого снаряда или оружия, которое не оставило бы шрама на мне. Мечом и кинжалом, луком и катапультой, камнем и палицей был я ранен, когда бился за вас, за вашу славу и обогащение и победоносно вел вас по землям и морям, чрез горы, реки и пустыни. Я заключил брак одинаковый с вами, и дети многих из вас будут находиться

в родстве с моими детьми. Я заплатил долги за всех вас, не спрашивая, как вы вошли в них, при таком жалованье и при такой крупной добыче. Многие из вас получили золотые венки, как вечное доказательство своей храбрости и моего уважения. А те, кто пали в бою, смерть их была славна и погребение почетно. Многим из них воздвигнуты на родине бронзовые статуи, а родители их пользуются большими почестями, освобождены от податей и общественных повинностей. Наконец, ни один из вас, под моим предводительством, не пал во время бегства. И теперь я думал отпустить тех из вас, которые утомлены войной, на удивление и на гордость нашей родине. Но вы хотите идти все. Так все и идите! И когда придете к себе домой, скажите, что вы своего царя, совершившего столько славных дел, покинули и предоставили защищать его побережным варварам. Возвестив это, вы конечно, приобретете себе славу в глазах людей и, докажете свое благочестие перед богами. Вы можете идти.

Александр удалился в своей шатер и два дня не выходил из него. На третий день он призвал знатных персов, на которых он мог положиться и об'явил их своими родственниками. Караулы во дворце были заняты персами и им была передана служба при царе. Маке-

донянам был послан приказ очистить лагерь и идти, куда они хотят, или, если они это предпочитают, избрать предводителя и выступить против Александра, их царя; когда они будут побеждены им, они поймут, что они без него — ничто.

Тут старые войска не могли более сдерживаться. Они пошли к царскому дворцу, сложили пред ним свое оружие, кричали и умоляли впустить их во дворец; они не сойдут с места, пока царь не смилостивится над ними.

Царь вышел к ним. Вперед выступил старый уважаемый офицер Каллин, чтобы говорить от имени всех. «Македонян всего более огорчает то, сказал он, что персы получили право называться родственниками царя, и целовать его, что такая честь никогда не доставалась на долю ни одного из македонян.» Тогда сказал царь: «Всех вас я делаю моими родственниками и с этой минуты даю вам это звание». Он подошел к Каллину, чтобы поцеловать его. А его целовал каждый желающий македонянин.

Солдаты снова взяли свое оружие и с ликованием возвратились в лагерь. Потом было устроено богатое пиршество, во время которого царь произнес тост, прося богов о даровании согласия и единения в царстве македонян и персов.

После этого Александр отправил на родину 10 000 македонян — или старых, или инвалидов. Каждый их них получил в подарок талант серебра. Их дети, родившиеся в Азии, должны были воспитываться там. Ветераны отправились на родину под предводительством Кратера, который, в качестве правителя в Европе, должен был заменить Антипатра, впавшего в немилость, главныммы образом, из-за раздоров его с Олимпиадой, которая постоянно жаловалась на него сыну. Антипатр, правда, также жаловался на царицу-мать, на ее вмешательство в государственные дела. «Антипатр не знает, что одна слеза моей матери может погасить тысячу его писем», заметил Александр.

В Экбатане, куда он прибыл, его посетило большое горе: во время одного празнества внезапно умер его ближайший друг, Гефестион. Три дня просидел царь над его телом, без пищи и питья. Позже тело Гефестиона сожжено было в Вавилоне, на костре, стоившем 10 000 талантов.

Все было теперь во власти Александра, и только одного недоставало ему: если не считать македонян, то для миллионов его подданных он был либо освободитель от чужеземного ига, либо завоеватель; ему не хватало религиозного освящения его власти. Александр достиг того, что он стал могущественным влады-

кой мира, но им он сделался благодаря собственной силе, а не Божьей милостью. И если Александр не мог быть царем Божьей милостью, то он хотел стать сам богом, по крайней мере, требовать от подвластных ему народов оказания ему божеских почестей. Ведь почитались же египетские фараоны, как боги. И оракул Амона приветствовал Александра сыном бога. Да и в греческом мировоззрении не велика была пропасть, отделявшая человека от бога. Каждый основатель города у греков получал после смерти геройские почести; сами герои, о которых рассказывалось в сказаниях и которым повсюду в греческом мире воздвигались алтари и приносились жертвы, также до того жили на земле, как люди. С течением времени стерлось различие между богом и героем. В начале IV в. спартанский полководец Лисандр на Самосе получил божеские почести; Дионисий младший, сиракузский тиран, приказал считать себя сыном Аполлона. Александр, завоевавший весь мир, разве меньше их по значению? Оракул Аполлона в Бранхидах, около Милета, не дававший прорицаний со времен Ксеркса, отверз теперь уста и подтвердил божественное происхождение Александра. То же самое изрекла эрифрейская сивилла Афинаида. Таким образом, притязания Александра на божеский культ узаконено было с богословской

точки зрения. И теперь, когда царство Дария лежало у ног его, пришло время извлечь последствия из этих оракулов.

В 324 г. Александр обратился к жителям континентальной Греции с двумя требованиями, вызвавшими там большое возбуждение. Первое требование клонилось к тому, чтобы греки признали Александра божеством. В какую реальную форму требование было облечено, неизвестно; но признание должно было носить официальный характер, исходить от имени государства. Греки подчинились требованию, причем спартанцы, по обычаю, дали лаконический, но характерный, ответ: «Мы согласны, чтобы Александр, если он того желает, назывался богом». Сам Александр был достаточно, конечно, дальновиден, чтобы понимать, что подобного рода «божественность» может продолжаться лишь до тех пор, пока человек, желающий приобщиться к ней, имеет в своих руках силу. Второе требование состояло в том, чтобы греки вернули на родину всех изгнанников. Это требование было предоставлено на Олимпийском празднике 324 года полководцем Александра, Никанором, и среди массы собравшейся публики вызвало большое ликование, но в некоторых государствах было встречено с большим неудовольствием. С формально-правовой точки зрения это требование вряд ли можно было

обосновать: для греков Александр был лишь верховным предводителем (гегемоном) их войск, их защитником, но ни в каком случае не законодателем. К тому же, осуществление этого требования на практике вызывало большие затруднения, в особенности в Афинах, где решено было попробовать этого требования не исполнять. Афиняне отправили с этого целью к Александру посольство, прося его не настаивать в отношении их на выполнении его требования, и царь, всегда с особенным вниманием относившийся к Афинам, согласился просьбу их удовлетворить.

Совершив зимой 324/3 г. поход против Коссеев, обитавших к северу от Суз, Александр направился в Вавилон, чтобы там приготовиться к новым большим походам. Когда он приближался к городу, к нему вышли навстречу халдейские жрецы и просили его не вступать в Вавилон: «не ко благу будет ему прибытие», вещали они. Александр не придал веры их словам; они сказали: «тогда пусть он войдет, по крайней мере, не с восточной, но с западной стороны». Но царь и на это предостережение не обратил внимания: он полагал, что жрецы вообще не хотят, чтобы он был в Вавилоне, так как они не позаботились о порученном им восстановлении храма Бела и потому боялись наказания. В Вавилоне к Але-

ксандру прибыли посольства от ближних и дальних народов: от греков, эфиопов, скифов, кельтов, иберов, либийцев, бруттиев, луканов, карфагенян, этрусков. В числе послов были, может быть, даже римляне. Александр, завоевавший в столь короткое время все персидское царство, совершивший поход в Индию, должен был возбуждать любопытство всех народов, принимавших в то время участие в мировой политике. Одни посольства прибыли, чтобы из'явить царю свою покорность и вручить ему дары, другие — чтобы просить его постановить окончательное решение по поводу их споров с соседними народами. Только теперь, по словам Арриана, царю и его приближенным начало казаться, что он — властелин над землей и морем.

Прежде всего, Александр обратил свое внимание на морские дела. Он приказал строить на Гирканском (Каспийском) море суда, которые должны были исследовать его границы. В Вавилоне он нашел финикийский флот, корабли которого, в составных частях их, были переправлены, по сухому пути, в Евфрат. Другие корабли были сколочены в Вавилоне, где устроена была гавань, могущая вмещать в себе до 1000 транспортных судов. С этим флотом Александр предполагал завоевать Аравию, о богатстве которой драгоценными предметами в древности

имелись преувеличенные представления. Царь отправил сначала три корабля с целями рекогносцировки, но ни один из них не совершил полного об'езда всей Аравии. Сам царь, по каналам, направился к морю и вблизи морского берега основал город. Там, однажды с царя упала в воду его диадема, символ царского достоинства; человек, принесший ему ее обратно, надел ее себе на голову и так поплыл. Это было дурное предзнаменование: диадема на голове чужого человека. Александр приказал бичевать его за то, что он надел диадему на свою голову, а за то, что он быстро и смело вернулся с нею, он подарил ему талант денег.

В Вавилоне же Александр думал произвести реорганизацию своего войска, в основу которой было положено следующее начало: три первых и последний ряд фаланги должны был состоять из македонян, вооруженных длинными копьями, 12 же внутренних рядов должны были состоять из персов, вооруженных луком и дротиками. При таком распределении вся фаланга вмещале 26.000 человек. Наступление велось сомкнутой массой; затем в бою фаланга развертывалась тремя отрядами: слева и справа, в промежутках находились стрелки из лука для первого нападения издали, затем выступали копьеносцы; три первых ряда и последний оставались сзади в качестве резерва,

и когда, после первой схватки, стрелки и копьеносцы отступали чрез промежутки и становились в свои ряды, вся фаланга сомкнутой массой двигалась на приведенного в расстройство неприятеля.

Уже эта организация армии должна была обратить внимание на себя. А далее стали распространяться слухи, что в провинции Средиземного моря посланы распоряжения о вооружении множества кораблей для походов в Италию, Сицилию, Иберию и Африку...

Александр лично руководил распределением новых персидских войск. Оно происходило в царском саду, причем царь сидел на золотом троне, в диадеме и в порфире; по обеим сторонам его размещалась его свита на более низких креслах с серебряными ножками; позади них, на значительном расстоянии, стояли евнухи в индийских одеждах, со скрещенными руками. Новые войска дефилировали отряд за отрядом и распределялись между фалангами. Так прошло несколько дней. В один из них царь, утомленный, поднялся с трона, оставив на нем свою диадему и порфиру, и пошел выкупаться в находившемся тут же бассейне. Согласно придворному этикету, за царем последовала свита; евнухи остались на своих местах. Немного времени спустя, появился какой-то человек, прошел спокойно сквозь ряды евнухов, поднялся

по ступеням трона, надел на себя порфиру и диадему и сел на место царя. Как раз в это время вернулся царь и пришел в ужас, видя на троне своего двойника. Он приказал спросить его, кто он такой и что ему нужно. Тот продолжал сидеть неподвижно, тупо уставясь вперед и, наконец, сказал: «Мое имя Дионисий, родом я из Мессены; я обвинен и привезен сюда с берега в цепях, теперь бог Серапис освободил меня и приказал мне надеть порфиру и диадему и смирно сидеть здесь.» Человека пытали, чтобы вырвать у него сознание в преступных замыслах, заставить его назвать своих соумышленников, но он продолжал утверждать, что то, что он сделал, ему приказано богом. Несчастного, у которого, очевидно, не все было в порядке в голове, казнили.

Это было в мае 323 г. Вавилон был наполнен тысячами новых войск, ожидавших выступления в поход. Флот, стоявший на якоре под парусами, почти ежедневно покидал место своей стоянки, чтобы приучить матросов грести и управлять кораблем. На этих маневрах любил присутствовать царь, отличая наградами победивших в состязании. Было возвещено, что поход должен начаться непосредственно за торжественными похоронами Гефестиона. Пришедшие от оракула Амона послы принесли ответ, что ему следует приносить жертвы как герою.

По получении этого известия, царь приказал приступить к торжественному погребению Гефестиона и к первым жертвоприношениям в честь его. Часть стен Вавилона была снесена; там, на пяти лежавших одна на другой террасах, возвышалось великолепное здание костра, доходившее до 200 футов высоты и стоившее 12.000 талантов. Все блестело золотом, серебром и пурпуром; на вершине костра стояла статуя сирены, певшая погребальные песни в честь усопшего. Костер был зажжен в присутствии Александра. За сожжением трупа следовали жертвы в честь героя Гефестиона, причем первое возлияние сделал Александр.

Следующие дни — опять празднества. Был назначен день для отплытия флота и начала похода в Аравию. Царь, согласно обычаям, принес жертву богам. Пока войско веселилось и пировало, он собрал к себе своих друзей на прощальный пир, который он давал адмиралу Неарху. После того как большинство гостей разошлось, пришел фессалиец Мидий, один из гетеров и просил царя почтить своим присутствием собравшееся у него интимное общество. Александр принял приглашение и за веселым пиром провел время до наступления утра. Вернувшись домой и выкупавшись, царь проспал до позднего дня. Вечером, как было условлено,

он снова отправился к Мидию, и веселая попойка снова продолжалась до поздней ночи. Вернувшись к себе, царь почувствовал себя дурно. Он выкупался, немного поел и лег спать в лихорадке. Утром, на другой день он чувствовал себя плохо — его продолжала мучить лихорадка. Он приказал снести себя на своем ложе к алтарю, чтобы принести там утреннюю жертву, как это делал он ежедневно. Затем он лежал в своей половине, куда приказал явиться военачальникам, чтобы отдать им необходимые приказания насчет похода. Вечером он приказал нести себя на своем ложе к Евфрату прямо на корабль, на котором он думал отправиться в поход и плыть в расположенные на другом берегу сады. Там он выкупался. Лихорадка не переставала мучить его всю ночь.

На следующее утро, после купанья и утреннего жертвоприношения, царь перешел в свой кабинет и пролежал там весь день. К нему приходил Мидий, старавшийся развлечь его. На другой день он приказал военачальникам явиться к нему. Вечером, немного поев, он лег спать, но всю ночь не мог заснуть — жар все усиливался.

Утром следующего дня, после купанья и жертвоприношения, к царю были допущены Неарх и другие офицеры флота. Царь об'явил

им, что, вследствие его болезни, отплытие придется отложить на один день, что за это время он надеется поправиться. Он остался в купальной комнате. Неарх сидел около его постели и рассказывал царю о своем плавании по океану. Между тем, состояние его все ухудшалось, жар усиливался. Тем не менее, утром следующего дня, после купанья и жертвоприношения, он снова призвал к себе офицеров флота и велел им готовиться к отплытию. После вечернего купанья последовал страшный приступ лихорадки, и царь провел бессонную, мучительную ночь. Несмотря на это, он приказал вынести себя утром к большому бассейну и с трудом совершил жертвоприношение. Затем, он снова призвал офицеров, отдал им несколько приказаний, говорил с военачальниками о замещении нескольких офицерских мест, советовал им быть строгими в выборе.

Наступил день отплытия флота, а царь лежал больной. Отплытие пришлось опять отложить. Прошла тяжелая ночь. На следующее утро царь был едва в силах принести жертву. Он приказал военачальникам собраться в передних комнатах дворца, а старшим офицерам — на дворе. Себя он велел перенести из садов в дворец. Александр слабел с каждым часом. Когда военачальники вошли, он хотя и узнал их, но не мог уже говорить. Ночь, следую-

щие день и ночь лихорадка не прекращалась. Царь перестал владеть языком.

Болезнь царя в лагере и в войске вызвала неописуемое возбуждение. Македоняне теснились около дворца, требуя видеть своего государя. Они боялись, что он уже умер, что от них это скрывают. Они не прекращали своих жалоб, угроз и просьб до тех пор, пока им не были открыты ворота. Затем, все они, по очереди, проходили мимо ложа своего царя, и он немного склонял голову, махал рукой, и глазами прощался со своими ветеранами. В тот же день некоторые из приближенных отправились в храм Сераписа и вопросили бога, не будет ли лучше царю, если его принесут в храм бога. Бог дал такой ответ: «Не приносите его; если он останется там, ему скоро станет лучше».

Проболев 13 дней, Александр скончался вечером 13 июня 323 года, прожив 32 года и 8 месяцев.

О событиях последних дней жизни Александра существует множество и других рассказов, но они мало достоверны. Так, ни одно достоверное известие не говорит о том, что Александр при смерти сделал какие-либо распоряжения на словах, или с помощью знаков, о порядке наследования в государстве, о регентстве или о каких-либо ближайших мероприя-

тиях. Предполагать чего-либо подобного и нельзя, если вдуматься в ход болезни Александра. Она наступила внезапно, и царь, повидимому, сначала не считал ее серьезной, тем менее смертельной. Ухудшение болезни шло очень быстро, и тут Александр уже утратил ту силу и энергию ума, которая обнаружила бы ему последствия его смерти, если он почувствовал ее приближение. Безмолвное прощание со своими македонянами было последним усилием угасавшего сознания царя.

Спустя несколько недель, тело Александра было предано торжественному погребению. Тогда же решено было перевезти останки царя, в сопровождении торжественной погребальной процессии, в храм Амона, в Египет. К концу года все приготовления были окончены. Была выстроена роскошная огромная колесница, на которую должен был быть поставлен гроб. Колесница ехала в сопровождении большой свиты. Огромные толпы народа стекались на дорогу. Между македонянами ходило поверие, что та страна, в которой тело Александра найдет себе могилу, будет счастливее и могущественнее всех других. Шествие направилось в Египет чрез Дамаск. Правитель Египта Птолемей со своим войском выступил в Сирию навстречу телу царя. Оно было отвезено в Мемфис, чтобы покоиться там до тех пор, пока роскошная цар-

ская усыпальница в Александрии будет готова принять его.

После Александра не осталось наследника престола, который был бы правоспособен занять его трон. Супруги гречанки или македонянки у царя не было; от его законных жен — персиянок у него детей не родилось; правда, Роксана была беременна. Незаконному сыну Александра, прижитому им от Барсины, дочери Артабаза, шел восьмой год, но он не мог наследовать престола. Оставался в живых брат Александра, Арридей, прижитый Филиппом от фессалийской уроженки Филинны. Это был слабоумный юноша. Оставались в живых еще три дочери Филиппа. Решение вопроса о том, кто будет наследником престола, зависело, по македонскому праву, от войска. Присутствовавшие в Вавилоне офицеры высших рангов высказывались за то, чтобы подождать разрешения от бремени царицы Роксаны и, если она родит мальчика, его и признать преемником Александра. Но македонская пехота не хотела и слушать о сыне Александра от азиатки. Войско заняло дворец. Дело кончилось компромиссом: царем был признан Арридей, под именем Филиппа, но и за ожидавшимся сыном Александра от Роксаны оставлены были его права. Когда Роксана вскоре после того родила мальчика, названного в честь отца Алексан-

дром, он также был провозглашен царем, и наряду с Филиппом признан был владыкой государства.

Уже вопрос о престолонаследии, возникший после смерти Александра, не предвещал ничего доброго для его царства. Последовавшие затем раздоры между вельможами и мятеж войск привели быстро к его падению. Государство, созданное Александром распалось на его составные части. Быть может, этого и не произошло бы, если бы Александр оставил после себя способного царствовать наследника, при котором его государство имело бы достаточно времени, чтобы внутренне окрепнуть.

IX.

Два народа, начиная с VI в. до Р. Хр., поделили между собой владычество над древним миром: греки и персы. И те и другие принадлежали к одному и тому же племени, но судьба привела греков на берега Средиземного моря, персов — на Иранское плоскогорье; в соответствии с этим и развитие обоих народов пошло по различным путям. Как греки, так и персы обладали вполне развитой и нравственной и военной мощью, и это, в связи с благоприятно

сложившимися внешними обстоятельствами, привело к тому, что первые стали господами Средиземного моря, вторые — передне-азиатского материка. С того времени как, около средины VI века, греки и персы пришли во взаимное соприкосновение, обнаружилась противоположность в их национальном характере и в их стремлениях, противоположность, поведшая затем к открытому столкновению. Сначала казалось, что персам, благодаря строго проведенной монархической организации и обусловленному ею политическому единству, должна принадлежать победа над распыленной на сотни самостоятельных государств-городов эллинскою нацией; но победителями оказались греки, благодаря присущему им чувству свободы и превосходству их культуры. Персидское государство, в сущности, могло держаться, главным образом, вследствие внутренней политической раздробленности Греции; падение его было предрешено в тот момент, когда и эллинская нация об'единилась в одно целое при посредстве Филиппа Македонского. Наследник Филиппа, Александр, своею победой над персами завершил то дело, которому начало положили греки, главным образом, афиняне, во время Греко-Персидских войн, и на развалинах персидского царства создал мировую монархию. Эта монархия была первою и единственною

мировою монархиею, известною нам в истории, если под таковою монархиею понимать особое государство, наряду с которым других, аналогичных ему, не имеется. Ни персидская монархия, ни даже римская империя, не могут претендовать на значение мировых: первая потому, что расширению ее положили предел греки, вторая — потому, что такому же расширению ее положен был предел германцами. Завоеваний же Александра не могли остановить ни Карфаген, ни италийские народы, ни Индия. Поэтому, идея мировой монархии всегда должна быть связана с именем македонского царя-завоевателя, и осуществлению этой идеи посвящена была вся его деятельность, и внешняя и внутренняя.

Потомство оценило эту деятельность: Александр Македонский был первым, кого историческое предание назвало Великим. Происхождение этого прозвища неизвестно, но оно осталось за Александром. И одно это громко свидетельствует о том впечатлении, какое он произвел на грядущие поколения, какое он производит на нас. В самом деле, даже те из ученых, которые далеко не склонны преклоняться пред Александром, как личностью, все же признают, что прозвище «Великий» вполне им заслужено, заслужено потому, что результаты его деятельности открыли новую эру в

истории человечества, отметили начало того ее периода, за которым, с легкой руки Дройзена, упрочилось название «эллинизма».

Как понятие культурно-историческое, эллинизм — обозначает собой особый этап в ходе развития греческой культуры. До Александра последняя, как она ни была широко распространена, носила, все-таки, местный, исключительно национальный, характер. Со времени Александра, точнее после него, греческая культура становится обще-мировой, вселенскою; ей начинают подчиняться и не греческие народы, которые, в свою очередь, оказывают, в большей или меньшей степени, влияние на культуру эллинскую. Эллинистическая культура, которую противополагают культуре эллинской, ей предшествовавшей, создалась в результате этих взаимных воздействий Запада и Востока. В ее основе заложены элементы эллинской культуры, но к ним присоединяются элементы культуры восточных стран, вошедших в состав монархии Александра.

Нечего и говорить, что такое сложное культурное явление, как эллинизм, не могло появиться сразу, тем менее могло быть обязано своим возникновением воле и политике одного лица, как бы гениально оно ни было. И, действительно, процесс эллинизации переднеазиатского Востока, а отчасти и Египта, на-

чался до походов Александра, причем он протекал тем интенсивнее, чем ближе были расположены к очагу эллинской культуры те или иные из передне-азиатских областей.

О Малой Азии говорить не приходится: она искони была страной и с основным греческим населением и с пышно процветавшею эллинскою культурой. Но и в самой Персии, несмотря на неисчерпаемое обилие в ней вполне пригодного военного материала в виде живой силы, издавна правительство привлекало, для поддержания безопасности своего положения, на военную службу греческие наемнические войска. В IV веке большая часть выдающихся военачальников у персов были греки (при Александре два брата, уроженцы острова Родоса — Ментор и Мемнон). При персидском дворе, в персидских провинциях, греки занимали, в сущности, то же положение, что германцы в поздние эпохи Римской Империи. И подобно последним, греки служили не только центральному персидскому правительству, но, в значительной степени, помогали и тем центробежным силам и стремлениям, какие в нем в то время образовались. Для сепаратистической политики персидских сатрапов греческие наемные войска и их предводители представляли самое подходящее орудие. Но вместе с тем, они же служили и могучим средством для

распространения в персидском царстве эллинской культуры.

Уже в начале IV века кипрский царь Евагор, состоявший в вассальных отношениях к Персии, проводил с большой последовательностью эллинизацию среди смешанного населения подвластного ему острова. Кария, бывшая в средине IV века, под властью Мавсолла, была всецело проникнута элементами греческой культуры. Вообще, в Малой Азии почва для эллинизма была вполне подготовлена до завоевания ее Александром, и его победоносное шествие по ней должно было лишь способствовать дальнейшему развитию и упрочению того процесса, который начался задолго до Александра и который ждал только решительного толчка, данного македонским царем. Важно отметить, однако, что меры, предпринятые им после завоевания Малой Азии должны были в значительной степени способствовать укреплению эллинизма в ней. В числе этих мер на первом плане должно быть поставлено то, что освобожденным от персидского ига мало-азийским общинам и областям он немедленно же вернул их старинную эллинскую свободную организацию.

Если в Малой Азии, а также, хотя и в меньшей степени, в Финикии, эллинизм был подготовлен, в значительной степени уже до Алек-

сандра, то в более отдаленных областях персидского царства, где почва для эллинизма была подготовлена лишь в слабой степени и далеко не систематически, он встретил в Александре горячего пионера и могучего поборника. Вместе с тем, нужно отметить, что, в противоположность Малой Азии, где эллинские элементы в эллинической культуре всегда господствовали над элементами восточными, в других областях персидского царства последние, что вполне естественно, должны были играть более существенную роль. Здесь эллинская культура встретилась с долголетней, своеобразной и могучей восточной культурой, с политическими и религиозными идеями Востока, которые должны были оказать влияние и на Александра. Он успел пройти лишь часть Персидского царства, как в Египте, в ливийском оазисе, египетские жрецы об'явили его сыном Амона, т. е. богом. Государь Египта не мог быть иным, кроме сына Амона, а потому, по отношению к Александру, признание его богом было лишь простое констатирование факта, как его представляли себе египетские жрецы во все продолжение трехтысячелетней истории Египта. Мы не знаем, произошло ли это признание неожиданно для Александра, или он знал о прерогативах, связанных с египетским престолом, но важно то, что Египет, с первых же шагов Александра, присвоил

его себе и сообщил свой характер его монархии. И достойно внимания, что Александр был об'явлен сыном Амона, т. е. фараоном, в святилище того божества, которое было близко и эллинскому и семитическому миру, которое почиталось и греками и азиатами. Если для египтян «сын Амона» значило то же, что фараон, то для греков и азиатов это было освящением монархического принципа, божественной санкцией, в силу чего Александр и стал, в глазах азиатов, законным наследником восточных владык.

Когда Александр вступил в Азию, там также оказалось достаточно местных элементов и традиций, чтобы оказать на него свое воздействие. Подобно всем восточным завоевателям, Александр приносит жертвоприношения в главных азиатских храмах, т. е. вступает в права местных царей, находящихся в непосредственных отношениях к божествам. Покорение Персии немедленно превратило Александра в персидского царя, в наследника вавилонских царей и персидских Ахеменидов с их притязаниями на мировое господство. Своею столицею Александр сделал Вавилон, где родилась идея мировладычества и где она была освящена религией и культурой. На Александра были перенесены черты вавилонского национального героя Гильгамеша, как на родоначальника новой эры,

и он в легендах, связанных с его именем, получил аттрибуты вавилонских божеств.

Дело Александра, как об'единителя двух миров, западного и восточного, было делом грандиозным по его последствиям. Все мероприятия Александра по осуществлению поставленных им себе задач отличаются планомерностью, всесторонностью и широтой. Египетское божественное, царское достоинство давало Александру непререкаемую авторитетность для проведения его планов, персидские сокровища — материальные средства, эллинская и восточная культура — духовные. Более тесное слияние народностей, вошедших в состав царства, было неизбежно, прежде всего, для целей административных. Чтобы иметь возможность управлять огромным государством, для которого не могло быть достаточно македонских и греческих войск, Александр, как мы видели, пытался сблизить македонян и персов как две господствующие народности. Первым шагом в этом направлении было поощрение взаимных браков, пример чего подал сам царь, затем, — включение персов в македонскую армию, наконец, как мера, способствующая распространению эллинизма, — основание во всех странах необ'ятного царства греческих городов. И персы относились милостиво и терпимо к пользовавшимся в их государстве независимостью

греческим городам. Александр пошел в этом отношении еще дальше. Он основывал греческие города в таких местах, где до того их совершенно не было; этим Александр способствовал не только распространению эллинизма, но и укреплению духа свободы и принципа самоуправления, греческой культуре столь свойственных. Число вновь основанных городов доходило до 70-ти. Многие из них получили, как известно, имя Александрии, хотя далеко не все города, носящие его имя, были основаны Александром. Преемники его нередко называли в память Александра основываемые ими города Александриями, подобно тому, как они чеканили свою монету с изображением и именем Александра. Помимо основания новых городов, Александр заселил солдатами много пунктов, представлявших важность в стратегическом, или культурном, или экономическом отношениях. Стратегическая цель состояла в том, чтобы создать, при помощи новых городов, большую безопасность для государства. Экономическая цель имела в виду способствовать развитию товарообмена в тех местах, которые до тех пор не принимали вовсе, или принимали мало участия в торговых сношениях. Наконец, культурная цель находила удовлетворение в том, что среди местного населения развивалась эллинская образованность; насаждение послед-

ней было так близко сердцу Александра, что он, одно время, мечтал даже о возможности переселения жителей Азии в Европу. Поселенцы, селившиеся в новых городах, получали в собственность земельные наделы. Земли для этого было достаточно, так как Александр, заступив место персидского царя, тем самым вступал в обладание всем тем, что принадлежало подданным последнего. В административном устройстве новых городов Александр придерживался такой системы: различные национальности, жившие на территории города, обитали вместе, но каждая из них пользовалась своим особым государственным строем, в соответствии с сложившимися у нее обычаями. В своих отношениях к центральной власти не все, впрочем, города пользовались одинаковыми правами.

Древний Восток давно привык к смешению рас и к иноземным владычествам. Поэтому и эллинистическое мировое государство, на нем возникшее в результате деятельности Александра, не было для него новшеством. Восток не мог принципиально отвернуться от нового порядка вещей, тем более, что он был достаточно к нему подготовлен в течение предшествующих двух столетий. Поэтому эллинизм, насажденный Александром, был принят без протеста и недовольства. И везде он пустил глубо-

кие корни, за исключением Индии. Последняя осталась незатронутой эллинизмом, и главные причины этого могут быть следующие: во-первых, никакой подготовки для насаждения в Индии эллинской культуры не было; Индия была слишком отдалена от очагов эллинства; во-вторых, о завоевании Индии Александром говорить нельзя; был его поход в Индию, остановившийся почти на полдороге; таким образом, Индия, в сущности, и не входила в монархию Александра; в-третьих, в Индии в эпоху Александра существовала такая могучая и самобытная культура, которая могла поспорить с культурой эллинской. Все это привело к тому, что уже около 316 года т. е. чрез десять примерно лет после индийского похода Александра, местный царь Чандрагупта (греч. Сандракот) прогнал из Индии греческие войска, не только отвоевал индийскую сатрапию Александра, но и перенес свое оружие в долину Ганга и основал там государство, наиболее обширное из существовавших до тех пор в Индии. Второй преемник Чандрагупты, Асока, ревностный проповедник буддизма, установил его в своем царстве, что совершенно отделило Индию от эллинистического мира.

Но, если исключить Индию, эллинистическое царство, возникшее в результате деятельности Александра, было грандиозно и по своим раз-

мерам и по своему значению. Это была, действительно, первая в истории мировая монархия. К созданию ее Александр шел совершенно определенно, ясно видя пред собой ту цель, к которой он стремился. Допустим, что в его успехах ему сопутствовало счастье, но и счастье, говоря словами Плутарха, послушно исполняло его предначертания и сделало его настойчивым в проведении своих решений.

Завоевание персидского царства до крайних его пределов было лишь первой частью задачи, поставленной себе Александром. Он должен был отказаться от мысли проникнуть за Яксарт и покорить земли, расположенные на севере. Вместо этого, Александр направился в Индию. Когда он намеревался пройти чрез пустыню к Гангу, чтобы достигнуть океана и вместе с тем восточной границы обитаемой земли, которая — так думали тогда — там и кончалась, орудие, до сих пор беспрекословно служившее ему — македонское войско, отказалось следовать далее, и Александр должен был повернуть назад. Вернувшись из Индии в Персиду и Сусиану, Александру пришлось, прежде всего, восстановить порядок в провинциях своего царства, расшатанный за время его отсутствия, принимать меры к устроению мира внутри государства, покорять непокорные горные племена; затем, предстояло открывать

пути и Каспийскому морю, к Индийскому океану, об'ехать кругом Аравии. Но все это были лишь побочные дела, которые должны были служить дополнением и надстройкой к уже достигнутым результатам. Это не было главной задачей Александра, хотя он, как истинный властитель, никогда не пренебрегал и ничем второстепенным, но всякое дело осуществлял с энергичной уверенностью. Такой человек, как Александр, в 32 года жизни, не мог считать свою работу законченной, не мог почить на лаврах и посвятить свою дальнейшую жизнь лишь мирному устроению своего царства. Восток был покорен. Но, ведь, оставался Запад, где предстояло много работы. И мы знаем, что Александр носился с мыслью направить свое победоносное оружие на Запад, против Карфагена, Италии, всего бассейна Средиземного моря, дойти до столбов Геракла. Лишь после того, как будет покорен и Запад, можно считать поставленную себе задачу законченной. Александр успел осуществить ее на половину; завершить вторую половину ему помешала смерть.

Для выполнения поставленной себе задачи — создания мировой монархии — недостаточно было того фундамента, на котором покоилась до сих пор сила Александра. С македонским войском можно было покорить Персидское цар-

ство, но нельзя было завоевать весь мир. Ведь это войско отказалось продолжать даже блестяще начатый индийский поход. Александр, вернувшись из него, ясно сознавал, что он должен увеличить имеющиеся в его распоряжении средства, создать для себя более основательную и независимую базу, чем та, которую представляла Македония и Греция. Следовало так же и свой авторитет поставить еще выше: мировой царь должен был представлять собой нечто большее, чем македонский царь и гегемон греческих государств. Македоняне и греки, как передовые в культурном отношении народы, могли занимать в мировом царстве первое место, но они не могли единолично властвовать. Понятию единого мирового царства соответствовало бы лишь об'единение в одно целое всех подданных Александра, без различия национальностей. Не только греки, македоняне и варвары, но все народы должны были приобщиться к единой эллинской культуре, которой надлежит стать культурой мировой. В новом мировом царстве и побежденные персы должны были занимать равное положение с победителями — македонянами и греками. Этим об'ясняются все мероприятия Александра после окончательного покорения Персидского царства, предпринятые им для слияния македонян и греков с персами. Затруднений со

стороны последних ожидать не приходилось, и для них Александр, как победитель Дария, сразу же стал «Великим царем». Сложнее обстояло дело с македонянами и греками. Им Александр должен был обосновать свои права на мировое господство. С этой именно целью Александром и было предпринято паломничество к оракулу Амона, рассчитанное, главным образом, на то, чтобы произвести впечатление на греческий мир, где границы между богами и людьми всегда были неустойчивы. Полубожественные существа, сыновья богов и героев известны не только в легендарной Греции. Они встречаются, как мы видели, и в историческое время. Уже Филипп Македонский, получив гегемонию в Греции, приказал к изображениям 12 олимпийских божеств, присоединить и свое изображение. Своим паломничеством к оракулу Амона Александр перенес на свою особу, как мирового властителя, идею египетской царской власти, в силу которой фараон есть бог. Позже, он усвоил себе персидский придворный церемониал, возложил на себя регалии персидских царей. Делал он это, без сомнения, имея в виду, прежде всего, своих азиатских подданных, которые должны были привыкнуть видеть в нем законного наследника Дария. Александр потребовал для себя проскинесиса, земного поклона, как такого

акта, который подобает только божеству. Этим требованием Александр хотел показать всем своим подданным, что он отныне не человек, а божество, что все они, обязанные кланяться ему в землю, равны, по своему положению, в его глазах.

Но лишь только ясно обрисовалось положение Александра, как неограниченного властителя мировой державы, так изменилось и то настроение, полное энтузиазма, в отношении к нему со стороны его сподвижников, македонян, а отчасти и греков. Между царем и его приближенными возникают тяжелые конфликты. Поводами для них, как и всегда бывает в подобных случаях, послужили личные мотивы и мелкие, чисто внешние, недоразумения. Но каждый из этих поводов тотчас же влек за собой принципиальные разногласия. На почве такого принципиального разногласия, разыгрался конфликт между Александром и самым выдающимся из его генералов, Парменионом. В лице Александра и Пармениона столкнулись воззрения двух поколений, двух эпох: Парменион — осторожный стратег и политик, прошедший школу Филиппа, действовавший всегда методически и осторожно; Александр — мировой завоеватель, в сознании полноты всех сил, всегда видевший пред собой высшие цели. В битве при Гавгамеле Парменион, по словам

Плухтарха, действовал вяло и неповоротливо потому, что он «чувствовал гнет выдающегося положения Александра и относился к нему с завистью». Пармениону не в моготу было служить лишь орудием в руках Александра, желавшего повсюду действовать на свой риск и страх. Такие же глубокие причины лежали в конфликтах Александра с Клитом и Каллисфеном. Конфликт с последним повел за собой и разрыв царя с его наставником Аристотелем. Это означало, что царь чувствовал себя вынужденным окончательно порвать с теми эллинскими идеалами, представителем которых был Аристотель.

Требование, обращенное Александром в последние годы его жизни к греческим государствам — признать его богом, свидетельствовало, что царь хотел быть теперь в глазах греков не македонским царем, но всемирным монархом. Приказ Александра был законом для греков не потому, что он исходил от царя, но потому что его изрекло божество. И другое требование, обращенное к грекам — возвращение изгнанников, — требование, противоречащее основным положениям, на которых покоился учрежденный Филиппом эллинский союз, означал собой то, что выше греческих государств и их законов стоит отныне воля монарха, олицетворяющего в своем лице закон.

Идея мировой монархии, проникавшая Александра, осуществилась для Востока и не успела, за смертью царя, осуществиться для Запада. Кто знает, быть может, ему и не удалось бы покорить Запад, и его ранняя смерть избавила его от разочарований, положив предел тому, к чему стремится титаническая воля и гениальный размах. И на Востоке многое из того, что было создано Александром, не пережило его, или продолжало существовать после него лишь короткое время. То об'единение народов древнего мира в одно мировое царство, которое хотел осуществить македонский царь в немногие годы своего царствования, осуществилось, да и то отчасти, в процессе эллинизма, продолжавшемся в течение ряда веков. Основную задачу — сгладить противоположности между Востоком и Западом, создать единую культуру из элементов, свойственных тому и другому, самому Александру удалось разрешить лишь отчасти. Но для решения ее в полной мере им заложены были такие прочные основы, которые гарантировали дальнейшие успехи. И со всемирно-исторической точки зрения деятельность Александра предстанет во всем ее величии в том случае, если обратить внимание не только на достигнутые им результаты, но и на те последствия, которые этими результатами были

обусловлены. Александр окончил свое жизненное поприще в таком возрасте, когда человек обыкновенно лишь приступает к творческой работе. Он исполнил весь мир своею славой и после смерти, как мы увидим, продолжал жить в легендах и преданиях, как неувядающий юноша, подобный предку своему Ахиллу.

Что же послужило источником славы Александра, славы не легендарной, а исторической, реальной. Вся его жизнь и деятельность, помимо достигнутых ею результатов. Прежде всего, быстрое завоевание огромного Персидского царства. Ученые, склонные к умалению деятельности Александра, говорят, что дело покорения Персии было облегчено ее внутренним разложением. Конечно, это облегчало задачу Александра в его борьбе с Персией; но вспомним, каких величайших и разнообразнейших трудностей была полна эта борьба. И Александр эти трудности преодолел. Соглашаясь с тем, что Александр достиг в своих завоеваниях больших успехов, указывают, что ими он обязан, в первую очередь, своей армии; армия же эта была организована его отцом, Филиппом, который сверх того, оставил сыну в наследство и способных генералов, прошедших службу у него. Выходит так, что Александр снимал жатву, посеянную его отцом.

За сыном остается лишь та заслуга, что он нашел дальнейшее применение унаследованным от отца военным силам, что, вследствие своего энтузиастического характера, он стремился все дальше и дальше, никогда не удовлетворялся достигнутыми результатами. Было бы, конечно, несправедливо отрицать, что Александр, действительно, получил в наследство и прекрасно организованную армию и опытных помощников — полководцев. Но, с другой стороны, было бы столь же несправедливо не признать, что цели и задачи, к которым стремился Александр в своей завоевательной политике, значительно превосходили планы и намерения Филиппа, что он умело использовал полученное им наследство, усовершенствовал и увеличил его. Как бы ни была хороша армия, она не одержала бы побед, если бы во главе ее не стоял такой полководец, каким был Александр. Как бы ни были опытны и способны старые генералы Филиппа, они ничего не могли бы сделать, если бы их деятельностью не руководил верховный предводитель, сумевший об'единить их вокруг себя и подчинить их всех своей воле. Как ни был слаб, или, точнее сказать дезорганизован его противник, и он не был бы окончательно разбит, если бы Александр не учел должным образом его слабых сторон, его дезорганизацию и не воспользо-

вался, с другой стороны, благоприятно сложившимися для него самого обстоятельствами.

Александр был обязан Филиппу не только унаследованною от него военною мощью. Он был обязан ему большим: он получил, благодаря Филиппу, прекрасное образование, приобщившее молодого наследника престола к греческой культуре. Без преувеличения можно сказать, что ни один граждании свободного эллинского государства не имел такого основательного, чисто эллинского образования, какое выпало на долю Александра, благодаря Аристотелю. Едва ли последнему следует приписывать большое влияние на развитие политического мышления своего ученика. Хотя и Аристотель считал идеальную монархию наилучшею формою государственного устройства, но он сам не был уверен в ее осуществимости, идея же универсальной монархии, поскольку последняя была осуществлена Александром, была совершенно чужда Аристотелю уже по одному тому, что он не мог освободиться от презрительного отношения греков к варварам, нашедшим доступ в монархию Александра, который в этом отношении перерос своего учителя. Стремления его стереть противоположности между греками и варварами, уничтожить презрительное отношение первых ко вторым, делает честь Александру и является, неза-

висимо от достигнутых им здесь результатов, одною из величайших его культурных заслуг.

Природа щедро наградила Александра разнообразными талантами. Одним из самых счастливых и благодетельных была его необычайная работоспособность, любовь к труду. Он всецело и бесповоротно отдал себя на разрешение предстоявших ему задач, и о спокойной жизни ему некогда было думать. Как человек, Александр отличался свойством, не так часто встречающимся у людей его положения: он был справедлив и правдолюбив. Он был хорошим сыном — вспомним его трогательное отношение к матери — и верным другом — вспомним его отношения к Гефестиону. В нравственном отношении, характер Александра отличался удивительною чистотой; все низменное ему было чуждо. Плутарх приводит несколько примеров душевной чистоты Александра. Между прочим, узнав, что двое македонских офицеров, служивших под командой Пармениона, позволили себе изнасиловать жен некоторых из наемников, он отправил Пармениону письмо с приказанием казнить виновных, «как диких зверей, появившихся на свет для людской погибели». О себе в том же письме он писал: «Я не только не видел жены Дария и не искал встречи с нею, но даже не позволял никому говорить ничего об ее красоте».

По словам Александра, из сна и любовных наслаждений убеждается он, главным образом, в том, что он — человек: страдания и наслаждения происходят одинаково от нашей слабости. Александр был крайне воздержан в пище. Когда карийская царица Ада посылала ему много кушаний и сладостей, а потом стала направлять к нему и лучших поваров и пекарей, Александр, будто бы, сказал ей, что во всем этом он не нуждается, что лучших поваров дал ему его воспитатель Леонид, а именно: ночной марш для завтрака, скромный завтрак — для обеда. Страсть к вину, сведшая Александра в могилу преждевременно, развилась в нем, повидимому, лишь в последние годы его жизни. По крайней мере, Плутарх говорит, что он не столько времени проводил за питьем, сколько в разговорах; да и это он позволял себе делать лишь тогда, когда у него было много свободного времени. День свой, если он не был в походе, Александр, по словам Плутарха, проводил обыкновенно так: вставши, он прежде всего, приносил жертву богам, а затем немедленно садился завтракать; остальной день он проводил в охоте, в разборе тяжб, в отдаче приказаний по войскам, в чтении. Если же, в дороге, не слишком спешил, он учился по пути или стрелять из лука, или вскакивать на колесницу на ходу и спры-

гивать с нее. Часто он, для развлечения, устраивал охоту на лисиц или птиц. Если он останавливался на походной квартире, он шел в баню или мазался маслом. Обедал он поздно, когда уже начинало смеркаться. За столом он внимательно заботился о том, чтобы всех угощали одинаково, ко всем относились с должным почтением. Вообще, прибавляет Плутарх, раньше Александр был самым приятным из царей в обществе и привлекал к себе всех; потом он стал неприятным вследствие своей хвастливости, отличался бахвальством и слушал льстецов. Очень щедрый от природы, Александр стал еще щедрее, когда увеличилось его могущество. Он тратил огромные суммы на богатые подарки своим друзьям и телохранителям. Олимпиада писала сыну: «Старайся оказывать милость своим друзьям и отличать их как-нибудь иначе, — теперь ты всех их делаешь равными царям, и таким образом увеличиваешь число их друзей, лишаясь их сам». Когда одному царедворцу Дария, управляющему сатрапией, Александр хотел дать новую, превосходившую размерами первую, тот отказался, заметив: «Царь, раньше у нас был один Дарий, теперь ты сделал многих Александрами». Самое ничтожное, что Александр делал для близких ему людей, замечает Плутарх, запечатлено было большим благоволением к

ним, соединенным с уважением — и приводит целый ряд примеров, за достоверность которых поручиться, впрочем, было бы трудно. Горячий во всем и неукротимый, отличаясь вспыльчивостью, Александр был честолюбив и самолюбив, но вместе с тем горд и благороден.

В исключительных талантах Александра, как полководца, не должно быть, казалось бы, сомнения и разногласия. Хулители его говорят: Александр одержал свои решительные победы, когда ему было 20—25 лет; ясно, в таком возрасте не возможно быть хорошим стратегом и тактиком. Почему? Разве талантливость должны считаться с установленным для нее возрастом? Как полководец, Александр был безгранично храбъ. Но и это ставится ему в укор. «Смелое мужество Александра увлекало его иногда на отчаянные предприятия, и это не может быть оправдано удачею их». Но вряд ли Александр одержал бы ряд блистательных побед, если бы его личная храбрость не увлекала за ним и его войско, которое всегда и всюду ценило и ценит, прежде всего, храбрость своего вождя. Один древний писатель правильно говорит об Александре: он никогда не давал ни одной битвы, в которой не оказался бы победителем; он никогда не нападал на город, которого не завоевал бы; он не вступал ни в одну страну, которую не покорил

бы. Как и во всех своих предприятиях, так и на войне, он вел ее со всею энергией, с применением всех средств, какие знало тогдашнее военное искусство. И в войне соединял он смелость натиска с тщательным предварительным расчетом. Это происходило от того, что Александр был одновременно и выдающимся стратегом и храбрым воином. Если деятельность полководца состоит, главным образом, в том, чтобы быстро находить все нужное для победы, чтобы стремиться к достижению поставленной цели прямо, без околичностей, Александр, бесспорно, один из самых выдающихся полководцев всех времен и народов. Он всегда со всею энергиею обращался на главный пункт действий. Власть его над войском была совершенно исключительная. Когда требовали обстоятельства, он был неумолим к нему и требователен до конца; когда надо было, он умел и уступить. Александр обнаруживал зрелую мудрость, когда это было необходимо, он был бесрассудно смел, когда это вело к цели. Нет ничего недоступного для героев, говорил он, нет ничего такого, что могло бы защитить труса. И Плутарх правильно замечает, что сопутствовавшее Александру счастье он старался преодолеть смелостью, силу — мужеством: он ставил славу, главным образом военную славу, выше жизни.

Александр был не только практиком военного дела, но и теоретиком, выдающимся его знатоком. Он хорошо уяснил себе, какое значение в войске имеет кавалерия, и на организацию ее обратил самое серьезное внимание; свои наиболее замечательные победы Александр одержал, преимущественно, благодаря коннице. И это нужно отметить, потому что персы, в особенности, славились своею кавалерией. При помощи одной пехоты можно было наносить поражение персам, но без кавалерии нельзя было бы преследовать их и истреблять. Способ ведения войны Александром был замечателен еще в том отношении, что он постоянно оставлял за собой инициативу; он всегда нападал и лишь, в исключительных случаях оборонялся, но оборонялся с тем, чтобы потом напасть.

Выдающиеся способности проявил Александр и как организатор государства. Очевидно, он уже заранее составил себе план, как нужно устроить управление завоеванных в Азии областей. Еще после первой победы при Гранике, при организации управления, в Сардах, мы встречаемся с теми принципами, на которых в дальнейшем была построена вся административная политика Александра. В Сардах управление вручено было трем лицам: одно из них сосредоточивало в своих руках военную

власть — командир крепости, другое заведывало финансами, третье — руководило общею администрацией. Все трое лиц, в иерархическом порядке, зависели только от Александра; каждое из них в своей сфере обладало самостоятельными полномочиями. Так поступил Александр и в других провинциях. Лишь в Египте, считаясь с традициями страны, установлен был более сложный аппарат управления: наряду с сатрапом, стоявшим как верховный номарх (генерал-губернатор) во главе других номархов (губернаторов), назначено было одно лицо для взимания податей, и трое лиц делили между собой власть над военными силами: одно командовало войском, другое — флотом, третье — наемниками. Введенная Александром система — разделения властей военной, финансовой и обще-административной — представляла существенный прогресс в сравнении с персидскою системой, где вся полнота власти вручалась одному лицу, сатрапу провинции, при котором состояли временно командируемые центральным правительством контролеры или ревизоры. Сатрапами провинций Александр обыкновенно назначал туземцев: они, конечно, могли знать и население своей провинции и его нужды лучше, чем македоняне или греки. Но когда было нужно, во главе провинций назначались и македоняне. Вообще, при орга-

низации управления провинциями Александр всегда сообразовался с обстоятельствами, примером чего может служить Кария, управление которой было вручено Аде; в Египте, где память о самостоятельности никогда не утрачивалась, гражданское управление поручено было чиновнику из туземцев, военная же власть, в виду важного стретегического значения страны, предоставлена была двум македонским офицерам.

Центральное управление Александр организовал по персидской системе с тем лишь отличием, что он сам принимал в нем большее участие, чем это делали персидские цари. Главным помощником царя при организации центрального управления, был Евмен, носивший титул обер-секретаря, а фактически бывший его первым министром. Евмен заведывал всей канцелярией и архивом. Любимый друг Александра, Гефестион носил титул хилиарха (тысячника) и состоял при царе как бы генерал-ад'ютантом. Управление наиболее важными крепостями поручено было особым командирам, непосредственно ответственным пред царем. Для управления финансами все государство разделено было на большие округа, охватывавшие большей частью несколько сатрапий и подчиненные генеральному сборщику податей. Верховный надзор за всем финансовым управлением пору-

чен был Гарпалу, другу юности Александра, обманувшему, однако, его доверие в последние годы жизни царя и скрывшемуся с большой суммой похищенных денег в Грецию. Подати Александр оставил, в общем, такими же, какими они были при персидском владычестве. Лишь греческие города большею частью были освобождены от податей. И в других местах Александр старался, по мере возможности, сохранять прежний строй; так, в финикийских и кипрских городах оставались цари, в Иерусалиме господствовала теократия. Александр вообще всегда считался с традиционными особенностями покоренных стран, поскольку они не служили в ущерб его власти.

Стремясь слить греков и македонян с азиатами, Александр, в душе, по крайней мере, всегда оставался македонским царем, воспитанным в греческих традициях. Правда, после завоевания персидского царства он усвоил себе персидский придворный этикет и церемониал. Это делал он, без сомнения, в первую очередь считаясь со своими азиатскими подданными. Но, с другой стороны, вполне понятно, что и у самого царя, в силу одержанных им успехов, должно было повыситься чувство собственного достоинства, разыграться самолюбие. То, что Александр стал теперь носить восточный костюм, требовал проскинесиса, рассматри-

валось греками и, в особенности македонянами, как ясно выраженное стремление к деспотизму. Но этим, в сущности, и ограничивались все деспотические замашки Александра. Как бы то ни было, притязание его на «божественность» не имело никакого влияния на характер его правления; в своих решениях и приговорах он никогда не ссылался на божеский авторитет. До конца дней своих оставался Александр восторженным почитателем и проводником эллинской культуры. Так, например, при всех торжествах устраивал он, по греческому образцу, состязания.

Царство Александра состояло из самых разнообразных составных частей; но для европейских греков он был только гегемоном, верховным предводителем их военных сил, да и азиатские греки были его свободными союзниками. Целый же ряд азиатских народностей жили почти независимой жизнью в своих гористых местностях. Дух свободы, присущий эллинской культуре, проникал собой все существо Александра.

Особенного внимания заслуживают постоянные стремления Александра к удовлетворению культурных потребностей своего царства. Огромные запасы азиатского золота, доставшиеся ему, как персидскому царю, шли не только на обслуживание военной мощи и админи-

стративного аппарата. Отсюда же черпались средства на построение новых городов, на устройство полезных сооружений в городах уже существующих. Александр принял меры, например, к восстановлению сети каналов в Вавилоне, заботился об очистке засорившихся каналов, шедших из Копаидского озера (в Беотии), о восстановлении разрушенных храмов в Греции. Поэты, философы, художники находили у него всегда радушный прием. По преданию, его наставник Аристотель, получил от царя 800 талантов для своих естественно-исторических исследований. Все мероприятия Александра имели в виду не только придать большую сплоченность своему государству, но и удовлетворить его культурным нуждам. Он заботился об экономическом благосостоянии своей монархии и, в этих видах, об упорядочении старых и открытии новых путей сообщения. Завоевания его были в то же время географическими открытиями и вызывали их. Интерес как его личный, так и его современников в этом направлении был очень велик, и он в особенности здесь показал себя достойным учеником Аристотеля. В истории землеведения началась со времен Александра новая эпоха: греки лично познакомились с областями, о которых до тех пор ходили легенды или имелись случайные сведения. Параллельно с этим по-

ложено было начало собиранию статистических данных, в виде официальных документов относительно расстояний между различными местностями, маршрутов и т. п., как в интересах военных, так и торговых, и научных. Сам Александр не упускал случая обогатить себя познаниями и всегда стремился туда, где мог рассчитывать получить их. У Плутарха сохранился любопытный, но в подробностях вымышленный, рассказ о беседе Александра с попавшими в плен, во время Индийского похода, гимнософистами, индийскими философами, ведшими строго аскетический образ жизни и считавшимися большими мастерами давать краткие и меткие ответы.

Вся жизнь Александра протекла, в сущности, в войне, трудной и напряженной. Но уже во время различных перипетий ее, он занимался организацией завоеванных земель и городов, заботился о насаждении в отдаленных странах Востока эллинской культуры. При этом с удивительной дальновидностью умел он использовать все рессурсы завоеванных стран. Он неустанно трудился над тем, чтобы округлить приобретенное и обеспечить его за собой, привлечь к нему то, что было близко, по соседству, исследовать то, что было далеко и неизвестно. Удивительною чертой характера Александра было то, что он, став могущественным

царем и властелином различных народов, не делал между ними никакого различия, ни одному не отдавая предпочтения. Это принесло благотворные результаты: побежденные народы не чувствовали себя угнетенными, быстро не только примирялись с новой властью, но и полюбили ее. И македоняне, недовольные отношением своего царя к варварам, должны были примириться с ним. Александр, при проведении своих взглядов, не терпел противоречий, требовал себе безусловного повиновения и полного сочувствия проводимым им намерениям и поставленным себе задачам. Эти черты развились в характере Александра особенно заметно в последние годы его царствования, когда всякое прекословие его воле вызывало в нем неудержимый гнев. Впрочем, это скорее была вспышка гнева. Злоба и мстительность были чужды Александру, как они бывают чужды всякому великому человеку.

X.

Необычайное значение Александра нашло себе выражение в тех сказаниях и легендах, которые связаны с его именем. Они восходят ко времени, последовавшему вскоре уже за его смертью, и тянутся чрез всю древность и

все средневековье. Так как замечательные подвиги Александра протекли, главным образом, на Востоке, то немудрено, что восточные народы, по преимуществу, и разрабатывали эти сказания и легенды об Александре. Древнейшим и наиболее известным памятником этой литературы «романов об Александре» является его история, составленая около 200 г. по Р. Хр. на греческом языке и приписанная Каллисфену. Эта история была обработана позже на латинском, сирийском, коптском, армянском и друг. языках. По этому роману псевдо-Каллисфена, Александр — сын не Филиппа, а египетского царя Нектанеба, который бежит из Египта и, в качестве астролога, является в Македонию. Александр при своем первом же походе берет не только Фивы, но и Афины, отправляется в Италию, где покоряет Рим и проч. Подвиги Александра в Азии переплетаются с самыми удивительными приключениями. Он доходит до столбов Геракла, встречает на своем пути чудовищ — шестируких и шестиногих людей; видит рыб, которых нужно варить в холодной воде и у которых в челюсти блестящий камень. Александр борется с кентаврами и т. д. Умирает Александр от отравы; пред его кончиной приходит его верный конь Букефал, плачет по умирающем царе, разрывает на части раба, поднесшего Александру яд, и издыхает.

Эти легенды, возникшие, быть может, в Египте, получают дальнейшее развитие, прежде всего, на Востоке. Самый замечательный поэтический рассказ о подвигах Александра принадлежит персидскому поэту X века Фирдуси, излагающему в своей поэме «Шах-Наме», между прочим, «историю Великого Искендера». В соответствии с национальностью поэта герой происходит не из Египта, а из Персии. Персидский царь Дараб женится на дочери царя Филикуса из Рума (Филиппа из Рима), но тотчас же расстается с нею и берет себе другую супругу. Сын от первой жены Искендер, от второй — Дара (Дарий). Искендер идет походом против Дары, которому помогает индийский царь Фур (Пор); Дара побеждает Искендера; он отправляется в Мекку, идет к царице Кидафе, совершает ряд подвигов, расположенных, в географическом порядке, по четырем странам света. Поход на север ведет его в страну мрака; походом руководит пророк Хизр, который на севере находит источник жизни, между тем, как Искендер с другим отрядом войска блуждает по пустыне. Для защиты от чудовищ он строит медную стену в 500 локтей высоты, которая заграждает доступ в царство его всякого рода чудовищам. Когда Искендер умирает, из-за тела его спорят: Рум (Европа) и Иран. Оракул решает, что тело должно покоиться в

Египте, в Александрии. Кроме Фирдуси, жизнь и подвиги Александра были воспеты другим персидским поэтом (XII века), Низами, в его «Искендер-Наме».

В западно-европейской литературе средневековья имеются поэтические обработки сказаний об Александре на немецком, французском, английском языках. Многочисленны сборники легендарных сказаний об Александре в славяно-русской письменности, так наз. Александрии. Одним словом, можно сказать, что Александр стал одним из любимых героев всемирной литературы, и лишь в Индии отсутствует какое-либо упоминание о македонском завоевателе.

И искусство, как при жизни Александра, так и после его смерти вдохновлялось и его личностью, и его подвигами. Двух знаменитых художников IV в. в особенности отличал своим вниманием царь: скульптора Лисиппа и живописца Апеллеса. Первый получил почетную привилегию изображать Александра в бронзе; о картине второго, изображавшей царя с молнией в руках, он говорил: есть два Александра, один, непобедимый, — сын Филиппа, другой, неподражаемый, — сын Апеллеса.

Один древний писатель замечает, что невозможно и перечислить, сколько раз писал портреты Александра, а также и Филиппа, Апеллес. Кроме упомянутой картины, украшавшей

храм Артемиды в Эфесе, особенной известностью пользовались две картины Апеллеса, находившиеся в Риме: на одной Александр был изображен на триумфальной колеснице, около которой стоял скованный гений войны, на другой — царь был представлен в группе с Диоскурами и Никою, богинею победы. Другой современный Александру живописец, Аэтион, прославился картиной «Свадьба Александра с Роксаной», третий, Филоксен, картиной «Битва при Иссе». Отдаленные копии этих двух картин сохранились: первой на фреске «Альдобрандинская свадьба» (хранится в Ватиканской библиотеке в Риме) второй — на помпеянской мозаике (хранится в Неаполитанском музее).

Статуи Лисиппа, по словам Плутарха, всего лучше воспроизводили характерные черты Александра, его склоненную слегка влево голову, томное выражение глаз, мечтательно-восторженное, но вместе с тем соединяющее в себе «что-то страшное, мужественное, львиное». Среди статуй Лисиппа особенной известностью пользовалась та, которая изображала Александра опирающимся на копье; может быть, отдаленное воспроизведение ее сохранилось на одном золотом медальоне (хранится в Берлинском музее). Изображал Лисипп Александра «в группах»: одна из них состояла из 25 фигур. Александр представлен был в ней среди всад-

ников, погибших при первой атаке в битве при Гранике. Другая группа изображала Александра в борьбе со львом и его сподвижника Кратера, спешащего к царю на помощь.

До нашего времени сохранились много и статуй и бюстов Александра, восходящих к искусству Лисиппа, но вряд ли вполне точно передающих черты лица Александра. Все это не точные портреты его, но портреты более или менее идеализированные. Таким идеализированным портретом должно считать и ту герму Александра, которая хранится в Лувре и на которой вырезана надпись, называющая изображенное лицо.

И в новое время искусство нередко вдохновлялось Александром и воспроизводило в своих созданиях различные эпизоды его жизни. Отдаленный от нас давностью времен, образ молодого царя-завоевателя продолжает сохранять свою пленительность, а его геройские подвиги — вызывать изумление. О результатах деятельности Александра прекрасно говорит известный историк XIX в. Гервинус, в своей «Истории немецкой поэзии»: «Он открыл новый мир на Востоке и на Западе, и оба они в своем поэтическом искусстве завидовали друг другу, и относительно его рождения, и его деятельности, оба они связали с ним свое величие, а христианские и языческие поэты от-

крыли пред ним двери рая. Еще до появления Христа, Александр своим образом действий разорвал и уничтожил привилегии своих греков и македонян среди всех людей, слил эллинство и варварство и проложил дорогу к христианскому учению о равенстве всех людей; без насаждения греческой образованности на Востоке никогда не могло бы найти для себя почвы христианство».

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА

БЕРЛИН • ПЕТЕРБУРГ • МОСКВА

БИОГРАФИИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ТВОРЦЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: Радищев, Пестель, Чаадаев, Белинский, Петрашевский, Герцен, Бакунин, Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Михайловский, Кропоткин, Щапов, Лавров, П. Струве, Плеханов, Ленин и др.

ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЛА, ВОЖДИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ: Ермак, Болотников, Степан Разин, Булавин, Пугачев, Декабристы, Перовская, Халтурин, Рысаков, Желябов, поп Гапон, лейтенант Шмидт, деятели февральско-мартовской и октябрьской революций и др.

ТВОРЦЫ ИСКУССТВА — ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, КОМПОЗИТОРЫ, ВЫДАЮЩИЕСЯ АРТИСТЫ и др.: Державин, Фонвизин, Крылов, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Лесков, Некрасов, Достоевский, Г. Успенский, Чехов, Островский, Короленко, Горький, Андреев и др.; Рублев, Ушаков, Левицкий, Боровиковский, Венецианов, Иванов, Брюллов, Федотов, Крамской, Левитан, Репин, Серов, Врубель, Антокольский, Стасов, Дягилев, Ал. Бенуа и др.; Глинка, Бородин, Серов, Рубинштейн, Даргомыжский, Римский-Корсаков, Чайковский, Мусоргский, Скрябин, Глазунов и др.; Дмитревский, Каратыгин, Щепкин, Ермолова, Савина, Станиславский, Шаляпин и др.

РУССКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ: промышленники в Новгороде, купцы Строгановы, купцы Юдины, Демидовы, Морозовы, Савва Морозов, Н. Бугров, С. Мамонтов и др.

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, ЕЕ ДЕЯТЕЛИ: Феодосий Печерский, Илларион Киевский, Сергий Радонежский, Варлаам Хутынский, Зосима, Савватий, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Стефан Пермский, Никон, Аввакум, Денисовы, основатели сект, Золотницкий, Победоносцев и др.

ИСТОРИКИ РОССИИ: Соловьев, Ключевский, Костомаров, Сергеевич, Голубинский, Милюков, Семевский, Лаппо-Данилевский и др.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ: Востоков, Даль, Потебня, Буслаев, Ал-др. Веселовский, Котляревский, Гильфердинг и др.

САМОБЫТНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ-ФИЛОСОФЫ: Г. Сковорода, В. Соловьев и др.

ДЕЛАТЕЛИ КНИГИ В РОССИИ: Иван Федоров, Новиков, Смирдин, Солдатенков, Павленков, Сытин и др.

БИОГРАФИИ И МОНОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ МИРОВЫМ УЧЕНЫМ, КАК УМЕРШИМ, ТАК И СОВРЕМЕННЫМ. К изданию предположены в первую очередь — Аристотель, Плиний Старший, Альберт Великий, Леонардо да-Винчи, как ученый, Галилей, Кеплер, Бэкон, Ньютон, Коперник, Линней, Ламарк, Кювье, Ломоносов, как естествоиспытатель, Дарвин, Пастер, Кюри, Менделеев, Мечников, Павлов, Федоров и др.

ПЕДАГОГИ — ТЕОРЕТИКИ И ПРАКТИКИ: Амос Коменский, Фребель, Песталоцци, Лев Толстой, как педагог, Монтессори, Стоюнин, Пирогов и др.

Все эти биографии, посвященные одному лицу или группе родственных по духу и времени деятелей, будут разработаны в тесной связи с развитием той или иной области нашей исторической жизни; каждой русской группе первых девяти серий будут соответствовать на тех же основаниях составленные группы биографий иностранных деятелей.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Aleksandr Velikii / S.A. Zhebe
923.138 A374Z
D903974885